

На правах рукописи

Прыгин Геннадий Самуилович

**Личностно-типологические особенности
субъектной регуляции деятельности**

19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва - 2006

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Представляемая работа посвящена разработке концептуальных основ личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности, наиболее ярко проявляющихся в «автономности», «эффективной самостоятельности» - одном из важнейших, интегративных качеств личности, отражающих степень сформированности ее системы субъектной регуляции.

С каких бы позиций не исследовалась личность: философских, социальных или психологических, как на важнейшее ее качество часто указывается способность личности действовать «автономно, эффективно, самостоятельно». При этом разные методологические позиции и эмпирические ракурсы изучения «автономности», «самостоятельности» порождают существенные различия в представлениях исследователей относительно феноменологии, структуры и механизмов, обеспечивающих ее проявление.

С нашей точки зрения, подобное разнообразие, как теоретических разработок феномена «автономности», так и полученных практических результатов только подчеркивает его сложность. В психологии подобное положение вещей не является уникальным - достаточно вспомнить впечатляющее разнообразие теорий личности, психических процессов, способностей, интеллекта и т.д.

В настоящей работе мы предложили свой, личностно-регуляторный аспект изучения «автономности», полагая, вслед за Л.М. Веккером, что «...*проблема психической регуляции деятельности...* (здесь и далее, выделено нами. - Г.П.) в полном своем объеме не может быть решена только в рамках теории психических процессов, ибо она *тесно связана с психологией личности*» [1981, с. 162]. С другой стороны, полностью разделяя точку зрения А.Г. Асмолова, мы также считаем, что для того, «...чтобы проанализировать личностные механизмы регуляции деятельности, необходимо ... увидеть личность еще в одной проекции - личность как субъект деятельности» [1983, с.121]. Таким образом, ***рассматривая личностно-регуляторные основы «автономности», мы исследуем их с позиции личности, как субъекта деятельности, т.е. с позиции субъектной регуляции.***

Развиваемое в настоящей работе представление о личностно-типологических особенностях субъектной регуляции деятельности, опирается на разработки в областях: ***общей методологии*** - К.А. Абульхановой (1977, 2002), Л.И. Анцыферовой (1974), А.Г. Асмолова (2001), Л.М. Веккера (1981, 1998), Л.Г. Дикой (2002, 2003), А.Н. Леонтьева (1975), Б.Ф. Ломова (1984), В.А. Мазилова (2003), В.С. Мерлина (1964, 1988), С.Л. Рубинштейна (1940), В.Д. Шадрикова (1983, 1994, 1996), Е.В. Шороховой (2002); ***системного анализа*** - П.К. Анохина (1978), Б.Г. Ананьева (1968), А.Г. Асмолова (2001), В.А. Ганзена (1984), А.В. Карпова (2004), В.П. Кузьмина (1982), Б.Ф. Ломова (1975), К.К. Платонова (1980), В.Д. Шадрикова (2004), Э.Г. Юдина (1978); ***субъектно-деятельностного подхода*** - К.А. Абульхановой (1997, 2002), А.В. Брушлинского (1991, 1997), О.А. Конопкиной (1995, 2004), В.Д. Шадрикова (1996); ***психологии личности*** - К.А. Абульхановой (1980, 1997), А.Г. Асмолова (1983, 1984), А.Н. Леонтьева (1975), С.Л. Рубинштейна (1973), Е.В.

Шороховой (1974) и др. а также на теоретические и экспериментальные *исследования регуляторной функции психики* в различных ее проявлениях, проведенные: Н.А. Бернштейном (1947), М.И. Бобневой (1978), Л.М. Веккером (1981), Л.Г. Дикой (2003), В.А. Иванниковым (1985, 1991), Е.А. Климовым, О.А. Конопкиным (1980), А.А. Обозновым (2003), А.К. Осницким (2001), Д.А. Ошанин (1980, 1999), Е.О. Смирновой (1992), В.И. Степанским (1997), М.А. Холодной (2004), В.А. Ядовым (1979) и др.

В нашей работе с позиций системного подхода показано, что *система субъектной регуляции является одним из универсальных механизмов согласования активности личности с требованиями деятельности*, что в системе субъектной регуляции, отображаются наиболее существенные структурные характеристики личности, определяющие ее целостность, это придает характеру выполнения деятельности, а, следовательно, и самой субъектной регуляции, личностную «окраску», превращая ее именно в субъектную, т.е. индивидуально характерную.

В диссертационном исследовании обсуждаются новые аспекты такого понятия, как: **«автономность» или «эффективная самостоятельность»**, понимаемое нами, как одно из важнейших, интегративных качеств личности, отражающее высокую степень сформированности системы психической регуляции, и которое с одной стороны, можно рассматривать как тип субъектной регуляции, а с другой стороны, как тип активности личности; **«эффективность субъектной регуляции»**, в которой выделяются два ее значения «субъективное» и «объективное»; **«социальная регуляция» и «личностная регуляция»**, которые квалифицируются нами, как «нормативные» виды регуляции.

Раскрывается структура типологии субъектной регуляции, в частности показано, что наиболее оптимальной структурой субъектной регуляции обладают «автономные» субъекты, в то же время, структура субъектной регуляции «зависимых» субъектов лишена целостности, что определяет сниженную результативность их деятельности. Намечаются подходы к разработке регуляторной теории личности. В ходе эмпирических исследований разработан инструментарий, позволяющий диагностировать «автономный» и «зависимый» типы субъектной регуляции, что дает возможность практическим работникам (психологам, педагогам, менеджерам по персоналу и др.) осуществлять индивидуальный подход к обучению и воспитанию, проводить отбор и рациональную расстановку кадров и пр.

Актуальность. В современных условиях развития Российского общества все более значительной становится роль каждого человека, поскольку от развития его способностей, активности, самостоятельности непосредственно зависит повышение экономического потенциала России. Социально-психологическое значение изучения механизмов субъектной регуляции, закономерностей проявления ее личностно-типологических особенностей в деятельности человека определяется, прежде всего, тем фактом, что без точных научных данных о таких особенностях и механизмах оказывается мало

эффективным управление процессами целенаправленного психического развития личности, процессами социальной перестройки ее поведения.

Исследование активности субъекта с позиции личностно-типологических особенностей его субъектной регуляции, закономерностей и условий их проявления и функционирования - одна из важнейших задач психологии, как в научно-теоретическом, так и в эмпирико-прикладном плане. В научно-теоретическом плане актуальность исследования субъектной регуляции деятельности и ее личностно-типологических особенностей, проявляющихся в феномене «автономности-зависимости», выводит изучение проблемы психической регуляции деятельности на качественно новый уровень, поскольку позволяет не только показать ее роль и место в проявлении целенаправленной активности личности, но и систематизировать такие понятия, как: «социальная регуляция», «личностная регуляция». Следует отметить, что актуальность исследования определяется также и логикой развития общей психологии, как фундаментальной науки, в частности, стремлением исследователей к разработке общих теорий, позволяющих интегрировать огромное количество частных концепций, построенных на отдельных эмпирических фактах, в тех или иных областях психологии. В этой связи, концепция личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности может послужить основой для разработки «Общей регуляторной теории личности». С другой стороны, проведение исследований в этой области имеет актуальное значение не только для развития общих фундаментальных знаний о регуляторной природе психики, но и для развития таких специфических областей психологического знания, как психология личности, педагогическая и возрастная психология, психология труда, клиническая психология и другие отрасли психологии.

Практическая актуальность работы определяется, прежде всего, тем, что личностно-типологические особенности субъектной регуляции, проявляющиеся в таких интегративных, социально важных качествах личности, как «автономность», «самостоятельность», лежат в основе возрастных кризисов трех лет и подросткового периода, связанных именно со становлением этих качеств; кроме того, запросами общественной практики, поскольку результаты исследования могут быть использованы педагогами, воспитателями, менеджерами по персоналу, для решения своих профессиональных задач. Все это подтверждает актуальность изучения личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности.

Постановка проблемы исследования. По мнению Ломова (1984), основным, если не единственным объектом психологических исследований является человек, как сложнейшая из систем, обладающая уникальными характеристиками и, прежде всего, *способностью к саморегуляции*. Поскольку наиболее общим и существенным проявлением субъектности является произвольная деятельность человека, обеспечивающая достижение принимаемых им целей, постольку наиболее адекватным подходом к исследованию закономерностей регуляции человеком своей деятельности является субъектно-деятельностный подход. Эффективность применения различных вариантов

деятельностного подхода для изучения психических феноменов подтверждается современными работами К. А. Абульхановой, А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, В.А. Иванникова, О.А. Конопкина, В.А. Петровского, В.И. Слободчикова, Е.О. Смирновой и др. Перспективность и плодотворность исследований психической регуляции, в этом контексте, не вызывает сомнения, так как уже описаны существенные черты психической регуляции, ее интегративная сущность и универсальность структуры в самых разных видах активности человека (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, А.Г. Асмолов, Н.А. Бернштейн, Л.М. Веккер, Л.Г. Дикая, В.П. Зинченко, О.А. Конопкин, А.А. Обознов, Д.А. Ошанин, В.Д. Шадриков и др.).

Наряду с этим, анализ научной литературы показывает, что широко используемое понятие «саморегуляция» часто употребляется без должной конкретизации, а изучение регуляторных процессов достаточно часто подменяется установлением самого факта детерминации деятельности отдельными психическими или средовыми факторами и полагается при этом, что исследуемый фактор и является самим механизмом саморегуляции или одним из таковых. Например, в социальной психологии и психологии личности часто в качестве регуляторов исследуются нормы поведения и социальные роли, ценности, мотивы, самооценки, установки и пр. В итоге саморегуляция как процесс, имеющий закономерное строение, и непосредственно связанный с деятельностью, исчезает. В подобных случаях употребление термина «саморегуляция» не несет определенной содержательной нагрузки и, по сути, лишь констатируется факт причастности исследуемого фактора к регуляторным явлениям (Конопкин, 1995).

Кроме того, существует еще ряд вопросов, связанных с изучением произвольной психической регуляции, на которых нет ясных ответов. Например, в настоящее время можно выделить, по крайней мере, три базовых направления в исследовании саморегуляции субъекта: психическая саморегуляция функционального состояния (направление, развиваемое Дикой); волевая саморегуляция поведения и деятельности (направление, развиваемое Иванниковым); осознанная психическая саморегуляция деятельности (направление, развиваемое Конопкиным). Возникает вопрос: как соотносятся между собой эти виды регуляции?

Много вопросов возникает и при исследовании произвольной регуляции деятельности, в частности, неясен вопрос об оценке ее эффективности, вопрос о том, когда и как субъект принимает решение о начале действий, на основе сложившейся субъективной оценке условий и средств деятельности. Не достаточно разработан вопрос о проявлении личностно-типологических особенностей произвольной регуляции в познавательной сфере, сфере самосознания, в ментальном опыте личности. Много неясности и в том, каков механизм проявления в произвольной регуляции деятельности личностных особенностей субъекта, каково соотношение типологических и стилевых регуляторных характеристик, как в процессах произвольной регуляции отражается специфика различных возрастных периодов, как процессы произвольной регуляции проявляются в эффективности деятельности малых групп и в та-

ких социальных группах, как, например, в среде людей страдающих неврозами, шизофренией и наркозависимостью. Указанные факты и составили суть нашей научной проблемы.

Таким образом, наша научная проблема состояла в том, чтобы исследовать механизмы и закономерности проявления личностно-типологических особенностей субъектной регуляции в основных структурных компонентах личности, в особенностях ее деятельности и социального поведения.

Объект исследования - субъектная регуляция деятельности.

Предмет исследования – личностно-типологические особенности субъектной регуляции деятельности.

Цель исследования – разработать концептуальные основы личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности и дать теоретическое обоснование и эмпирическое доказательство их проявления в основных структурных компонентах личности, в особенностях ее деятельности и социального поведения.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования были поставлены следующие методологические, теоретические и эмпирические **задачи**:

1. Проанализировать теоретико-методологические аспекты исследования основных факторов, детерминирующих процессы психической регуляции.

2. На основе принципов системного анализа и субъектно-деятельностного подхода разработать концептуальные основы личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности, наиболее ярко проявляющихся в «автономном» и «зависимом» типе субъектной регуляции.

3. Разработать инструментарий, позволяющий диагностировать «автономный» и «зависимый» тип субъектной регуляции.

4. Эмпирически выявить личностно-типологические особенности субъектной регуляции в онтогенезе личности.

5. Эмпирически исследовать проявления «автономности-зависимости», как основы типологии субъектной регуляции, в сфере самосознания личности, ее ментальном опыте и познавательной сфере.

6. Экспериментально исследовать особенности внутригруппового взаимодействия субъектов с различными типами субъектной регуляции.

7. Эмпирически исследовать проявление «автономности-зависимости» в специфичных выборках (людей страдающих шизофренией, наркозависимостью) и ситуациях (педагогического взаимодействия, конфликта).

Методы исследования. В работе применялись общенаучные методы теоретического, экспериментального и эмпирического исследования. В частности:

- теоретические методы: анализ, сравнение, систематизация и обобщение теоретических, экспериментальных и эмпирических данных.

Экспериментальные и эмпирические методы:

- психодиагностические тесты и методики в бланковой и аппаратурной форме (в том числе и оригинальные, разработанные автором) при исследовании структурно-функциональных особенностей субъектной регуляции;
- метод экспертных оценок, для доказательства конструктивной валидности и психометрической оценки, созданных методик диагностики типологии субъектной регуляции;
- методы лабораторного эксперимента для выявления степени сформированности структурных компонентов системы субъектной регуляции;
- метод наблюдения (в частности, методика систематизированного наблюдения Бейлза) для выявления особенностей внутригруппового взаимодействия субъектов с различными типами субъектной регуляции;
- метод беседы и интервью, для углубленного качественного психологического анализа и интерпретации эмпирических данных;
- методы статистического анализа обработки данных (корреляционный и дисперсионный анализы, методы непараметрической статистики) и графического представления данных и результатов исследований.

Общая гипотеза исследования состоит в следующем: система субъектной регуляции является одним из универсальных механизмов согласования активности личности с требованиями деятельности. Причем, его универсальность состоит в том, что во всех сферах и уровнях проявления личности (как субъекта деятельности) система субъектной регуляции по своему компонентному составу остается относительно стабильной, являясь, в то же время, в силу ее личностно-типологических особенностей, динамичной по содержанию компонентов, уровню их развития и характеру связей между ними.

Общая гипотеза исследования может быть конкретизирована в следующих **частных гипотезах**:

1. В основе проявления личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности, лежат, с одной стороны, определенные *типологические структурно-функциональные особенности системы субъектной регуляции*, а с другой стороны, *уровень сформированности симптомокомплекса качеств личности*, как субъекта деятельности.

2. Уровень сформированности симптомокомплекса качеств личности, как субъекта деятельности может быть основой для типологизации активности личности по признаку *«эффективной самостоятельности»* в осуществлении ими деятельности. Лица, обладающие сформированным симптомокомплексом качеств личности, позволяющим при выполнении деятельности опираться, главным образом, на собственные знания, суждения, личные качества и т.д., могут быть охарактеризованы как *«автономные»* субъекты. Другая (полярная) группа субъектов, у которой данный симптомокомплекс качеств личности сформирован слабо, может быть охарактеризована, как *«зависимые»* в осуществлении деятельности.

3. Выделяются три типологические группы субъектов: «автономные», «зависимые» и «смешанные», отличающиеся разной степенью сформированности симптомокомплекса качеств личности, как субъекта деятельности и разной степенью сформированности системы субъектной регуляции и, как

следствие, имеющие разные стилевые особенности функционирования данной системы.

Теоретико-методологическими основами и методами работы являлись:

1. Принципы субъектно-деятельностного подхода, разработанные в школах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.А. Брушлинский, О.А. Конопкин, В.Д. Шадриков).
2. Принципы системного анализа, разработанные Б.Ф. Ломовым применительно к психологии.
3. Теория функциональной системы П.К. Анохина.
4. Теоретические представления о регуляторной функции психики, развитые в работах Н.А. Бернштейна, Л.М. Веккера, М.И. Бобневой, Л.Г. Дикой, В.А. Иванникова, О.А. Конопкина, А.А. Обознова, А.К. Осницкого, Е.О. Смирновой, В.И. Степанского, В.А. Ядова и др.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

1. На основе принципов системного анализа и субъектно-деятельностного подхода к исследованию психической регуляции деятельности сформулированы и теоретически обоснованы концептуальные положения о личностно-типологических особенностях субъектной регуляции, наиболее ярко проявляющиеся в феномене «автономности», «эффективной самостоятельности» субъекта деятельности.
2. Сделан вклад в развитие понятийного аппарата общей психологии. Сформулировано новое содержание таких понятий, как: «система субъектной регуляции», «автономность», «эффективность субъектной регуляции»; введены и обоснованы критерии для различения понятий «социальная регуляция» и «личностная регуляция».
3. Теоретически обоснованы и эмпирически выявлены стилевые особенности «автономного», «смешанного» и «зависимого» типа субъектной регуляции.
4. На основе выявленных личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности впервые экспериментально обнаружены и теоретически обоснованы оптимальные критерии формирования эффективных малых групп.
5. Теоретически обоснованы и эмпирически подтверждены проявления типологии субъектной регуляции в сферах самосознания личности, особенностях ее ментального опыта и протекания познавательных процессов.
6. Теоретически обоснованы и эмпирически выявлены особенности проявления типологии «автономности-зависимости» в ситуациях педагогического общения и ситуациях конфликта.
7. Теоретически обоснованы и эмпирически выявлены особенности проявления типологии «автономности-зависимости» у субъектов с нарушениями психики и наркозависимых субъектов.

Практическое значение результатов исследования:

1. Разработан, апробирован и широко используется комплекс диагностических методик, позволяющий выявлять типы субъектной регуляции, что дает возможность практическим работникам (психологам, педагогам, воспитателям, менеджерам по персоналу и др.) использовать их для достижения своих профессиональных целей (например, выявлять психические особенности развития, осуществлять индивидуальный подход к обучению и воспитанию, проводить отбор и рациональную расстановку кадров и пр.).

2. Результаты исследований, проведенных на специфических выборках (наркозависимые, больные шизофренией), позволяют говорить о возможности использования разработанного диагностического инструментария в практике клинических психологов психоневрологических и наркологических диспансеров.

3. Результаты теоретических и прикладных исследований типологии субъектной регуляции деятельности могут существенно дополнить спецкурс по «дифференциальной психологии» при подготовке психологов и педагогов-психологов.

Внедрение результатов исследования.

С 1989 по 1995 г. разработанный комплекс диагностических методик использовался в качестве базового для отбора и оценки персонала во всех лечебных учреждениях ГУ здравоохранения, г. Набережные Челны.

С января 2002 г. разработанный комплекс диагностических методик используется в качестве базового для отбора и оценки персонала ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ», г. Набережные Челны.

С 2000 г. по настоящее время разработанный комплекс диагностических методик используется в работе школьных психологов ср. школы № 49 г. Набережные Челны, средних специальных учреждений – гуманитарном лицее «Идель-Урал»,

С 2000 г. материалы теоретических и прикладных исследований типологии субъектной регуляции деятельности включены в спецкурс по «дифференциальной психологии» при подготовке психологов (по специальности 020400) и педагогов-психологов (по специальности 031000) ф-та психологии ИУ г. Набережные Челны.

Положения выносимые на защиту:

1. В личностно-типологических особенностях системы субъектной регуляции, отображаются наиболее существенные структурные характеристики, определяющие целостность личности, что придает характеру выполнения деятельности, а, следовательно, и самой субъектной регуляции, личностную «окраску», превращая ее именно в субъектную, т.е. индивидуально характерную. Таким образом, личность проявляется в деятельности через один из важнейших механизмов - субъектную регуляцию, которую мы определяем, как целостную, замкнутую по структуре, информационно открытую систему, в которой степень сформированности ее отдельных компонентов, их содержательное наполнение и отношения между ними, отражая уникальность лич-

ности, приводят к согласованию ее активности с требованиями деятельности, и тем самым, к достижению цели, принятой субъектом.

2. Эффективность субъектной регуляции можно оценивать с двух позиций: с позиции субъекта деятельности - выделяется «субъективная эффективность», при которой полученный результат деятельности сравнивается с принятыми «субъективными критериями успешности», с позиции внешних критериев - выделяется «объективная эффективность», которая предполагает сравнение полученного результата с объективными (часто социально заданными) критериями успешности. Наибольшей эффективностью обладает такая система субъектной регуляции, в которой «субъективная эффективность» совпадает с внешней, «объективной эффективностью», т.е. когда полученный субъектом в процессе деятельности искомый результат соответствует и субъективному критерию успешности и внешним (социально значимым) критериям.

3. Наиболее ярко личностно-типологические особенности субъектной регуляции проявляются через ее «крайние» типы - «автономный», «зависимый» и средний тип - «смешанный». В основе указанных устойчивых типологических различий лежат: с одной стороны, определенные типологические структурно-функциональные особенности системы субъектной регуляции, а с другой стороны, уровень сформированности симптомокомплекса качеств личности (СККЛ), который был положен в основу типологизации субъектов по признаку «*эффективной самостоятельности*» в осуществлении ими деятельности. Субъекты, обладающие сформированным симптомокомплексом качеств личности, позволяющим им при выполнении деятельности опираться, главным образом, на собственные знания, суждения, личные качества и т.д., могут быть квалифицированы как типологическая группа **«автономных»**, а другая группа, (полярная первой), у которых указанный симптомокомплекс сформирован слабо, - как **«зависимых»** в осуществлении деятельности. Таким образом, **«автономность», «эффективная самостоятельность» настолько же регуляторный, насколько и личностный феномен**, поэтому его необходимо изучать, как в аспекте субъектной регуляции, так и в аспекте типологии личности.

4. С позиции структурно-функциональных особенностей система субъектной регуляции: «автономных» субъектов характеризуется целостностью, оптимальной согласованностью и сформированностью ее отдельных функциональных компонентов, что определяет высокую эффективность деятельности этих субъектов; «смешанных» субъектов в зависимости от ситуаций и обстоятельств может содержать в себе признаки субъектной регуляции присущие крайним типам; «зависимых» субъектов лишена целостности, что определяет низкую эффективность их деятельности.

С позиции стилевых особенностей можно обозначить стиль субъектной регуляции: «автономных» субъектов, как «компенсаторно-пластичный»; «зависимых» субъектов, как «застревающе-ригидный»; «смешанных» субъектов, как «ограниченно-пластичный».

С позиции информационного обмена с окружающей средой система субъектной регуляции «автономных» субъектов позволяет им быть более успешными в деятельности, в то время как использование иррационального способа - понижает эффективность деятельности не только у «зависимых», но и у «автономных» субъектов. Профили субъектной регуляции у «рациональных» субъектов всех типологических групп отличаются большей гибкостью и характеризуются более высокой сформированностью процессов планирования, моделирования, программирования. Опора на рациональные способы информационного обмена с окружающей средой позволяет субъектам всех типологических групп достигать более высокой результативности, нежели использование иррациональных способов информационного обмена.

В целом, для «автономных» субъектов характерен рациональный способ информационного обмена со средой (общая рациональная самоорганизация), для «зависимых» - иррациональный способ (иррациональная организация деятельности), для субъектов «смешанной» типологической группы – синтетический (как сочетание того и другого).

5. Поскольку произвольность, с одной стороны, является существенной характеристикой развития поведения ребенка в дошкольном возрасте, а с другой стороны, является определяющей характеристикой системы субъектной регуляции, постольку, в этом возрасте проявляются личностно - типологические особенности в виде феномена «автономности-зависимости».

6. Личностно-типологические особенности субъектной регуляции деятельности проявляются в особенностях структурных характеристик самосознания личности (рефлексии, самооценке, самоотношении), ее ментального опыта и протекания познавательных процессов, в частности:

- субъекты, с «автономным» и «смешанным» типом субъектной регуляции, обладают более высоким уровнем развития *рефлексии*, чем субъекты «зависимого» типа; *самооценка* по свойствам личности, релевантным симптомокомплексу «эффективной самостоятельности», у субъектов «автономного» типа будет адекватной, у «смешанного» типа - близкой к адекватной, у «зависимого» - заниженной; значимых различий в самооценке испытуемых всех трех типологических групп по качествам личности, иррелевантным симптомокомплексу «эффективной самостоятельности», не будет. Наибольшей степенью *уверенности* в собственной самооценке будут обладать субъекты «автономного» типа;

- структура самоотношения «автономных» субъектов, в отличие от «зависимых», обладает целостностью, в ней представлены такие структурообразующие составляющие, как: регуляция, сила и глобальное самоотношение, причем глобальное самоотношение опосредуется как эмоциональным отношением к себе (включающим самоуважением и ожиданием положительного отношения от других), так и «рациональным» (включающим силу и степень автономности);

- личностно-типологические особенности субъектной регуляции деятельности связаны с особенностями организации ментального опыта личности, в частности, субъекты «автономного» типа обладают более высокой

сформированностью индивидуальных понятийных структур и характеризуются более открытой познавательной позицией по сравнению с «зависимыми».

- существуют различия в протекании высших психических процессов (внимании, памяти, мышления) у «автономных» и «зависимых» испытуемых, поскольку в реализации именно этих процессов проявляется произвольность субъекта.

7. Личностно-типологические особенности субъектной регуляции отдельных членов группы, проявляясь во взаимодействии, влияют на организацию совместной деятельности группы и, тем самым, на эффективность *совместной групповой* деятельности. Наиболее эффективными будут группы, состоящие из участников с «автономным» и «смешанным» типом субъектной регуляции; наименее эффективными - группы, состоящие из «зависимых» участников. Эффективность групп, составленных из участников с разными типами субъектной регуляции, будет возрастать, если среди них имеются лица «автономного» типа.

8. Личностно-типологические особенности субъектной регуляции проявляются в специфических выборах, в частности:

- у субъектов больных наркоманией преобладает «зависимый» тип субъектной регуляции и существуют значимые различия, как в профилях личностных черт наркоманов, имеющих разные типы субъектной регуляции (в частности, по таким чертам, как уверенность, самоконтроль, ригидность взглядов, эмоциональная стабильность, консерватизм), так и в структуре их самооценок. Эти структуры отличаются по тем личностным качествам, которые являются базовыми характеристиками самих типов субъектной регуляции деятельности (независимость, уверенность, целеустремленность, ответственность), и не отличаются по характеристикам, принадлежащим к социально-моральным качествам;

- у больных шизофренией доминирует «зависимый» и проявляется «смешанный» тип субъектной регуляции, уровень обобщения снижен, а усредненные профили личности больных с «зависимым» и «смешанным» типами регуляции имеют различия по таким шкалам СМИЛа, как «сверхконтроль», «пессимистичность», «тревожность» и «оптимистичность», что не случайно, поскольку они отражают характерные особенности личности больных, содержательно связанные с симптомокомплексом качеств личности «автономного» субъекта.

9. Разработанная батарея методик диагностики личностно - типологических особенностей субъектной регуляции деятельности для всех возрастов, начиная с 5 лет, представляет собой методический комплекс, позволяющий практикам исследовать личностно-типологические и структурно-функциональные особенности субъектной регуляции и использовать полученные результаты для решения своих профессиональных задач.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены и обсуждались на:

1. II Всероссийском съезде Российского психологического общества, г. Ярославль, 1998.
2. Научно-практической конференции «Ананьевские чтения», С-Пб, 2001.
3. Международных конгрессах по социальной психологии, Ярославль, 1999-2003.
4. Международной конференции РПО «Конфликт и личность в изменяющемся мире», Ижевск, 2000.
5. Всероссийской конференции Российского психологического общества. Москва, 2002.
6. Научно-практической конференции «Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России», Самара, 2005.
7. Всероссийской научно-практической конференции «Реалии и перспективы психологической науки и практики в Российском обществе», Набережные Челны, 2005.
8. На заседаниях кафедры общей психологии факультета психологии и педагогики УдГУ (Ижевск, 2001, 2004).
9. На заседаниях кафедры общей психологии факультета психологии Института управления (г. Набережные Челны, 1999, 2000, 2002, 2004).

Публикации. Непосредственно по теме диссертационного исследования опубликовано 46 работ, в том числе 2 монографии.

Выборка исследования. Экспериментальные и эмпирические исследования были проведены в различных типах образовательных учреждениях и организациях Татарстана с общей выборкой 2227 человек. Из них: 250 в возрасте 20 лет и старше; 800 – дошкольников в возрасте 5-6 лет; 1177 – старших школьников и студентов 1-3 курсов различных ВУЗов.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 7 глав, выводов, библиографии (402 источников, из них 100 на иностранных языках) и приложений. Объем диссертации – 412 страниц. В тексте 27 рисунков и 22 таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении с позиции системного анализа на основе субъектно-деятельностного подхода обосновывается актуальность изучаемой проблемы, определяются цель и задачи, объект, предмет, раскрываются научная новизна и теоретическая значимость исследования, формулируются гипотезы и положения, выносимые на защиту, обсуждаются методологические и теоретические основы исследования, практическое значение и внедрение результатов исследования, приводятся данные по апробации результатов.

В главе 1 – «Теоретико-методологические проблемы детерминации психической регуляции деятельности и поведения. Системная организация субъектной регуляции деятельности» анализируется проблема детерминации психической регуляции поведения и показывается, что, решая проблему детерминации в аспекте личностных особенностей регуляции поведе-

ния, авторы многочисленных зарубежных концепций разрабатывают теории личностной регуляции опираясь в основном на дихотомию «внешнее-внутреннее». Подчеркивается, что дискуссия о соотношении внешних и внутренних факторов актуальна до сих пор, и это является одной из проблем, о которой надо помнить, когда обсуждаются различные методологические позиции.

Рассматриваются достоинства и недостатки известных теорий, описывающих закономерности личностной регуляции поведения, разработанные в 20-70-х годах в рамках западной психологии: «зависимости-независимости от поля» Уиткина (Wittkin), «внутренней-внешней мотивационной ориентации» Деси-Уайт (Desi-White), «экстравертированности - интровертированности» Юнга, «социальной атрибуции» Хайдера-Вайнера (Heider-Weiner) и «теория социального научения» (локуса контроля) Дж. Роттера (Rotter), причем теория Дж. Роттера анализируется более подробно, поскольку она наиболее «созвучна» исследуемо типологии «автономности-зависимости». Делается вывод о том, что частичность, неполнота, неадекватность рассмотренных теоретических моделей поведения человека, каждая из которых абсолютизирует лишь один из аспектов психики, приводит к таким же частичным и поэтому противоречивым экспериментальным данным. Отмечается, что природное и социальное - это не два компонента психики человека, а единый субъект с его живым психическим процессом саморегуляции всех форм активности (Брушлинский, 1997).

Показано, что одним из основных методологических принципов, отечественной психологии позволяющих найти адекватные пути изучения личностно-типологических особенностей субъектной регуляции, является принцип единства сознания и деятельности, разработанный С.Л. Рубинштейном. В главе анализируется проблема системной организации субъектной регуляции. Обсуждается проблема соотношения понятий «личность» и «субъект» в регуляторном аспекте; при этом субъект рассматривается как *активный деятель*, адекватно и осознанно отражающий действительность и использующий результаты отражения для осознанной регуляции своей деятельности; показывается, что на общеметодологическом уровне *личностный принцип*, сформулированный С.Л. Рубинштейном и развитый К.А. Абульхановой, позволяет рассматривать личность, как самоорганизующуюся многоуровневую регуляторную систему. Показано, что поведенческие и деятельностные задачи, возникающие в соотношении субъекта с миром, решаются личностью на основе конкретных способов системной организации психики *посредством саморегуляции* (Абульханова, 1997).

Этот же личностный принцип послужил основой для современного развития «субъектного подхода», который позволяет приблизиться к *системному пониманию регуляторных процессов*: показать, как по-разному, с участием индивидуально развитых психических процессов, разными личностями решается одна и та же жизненная или деятельностная проблема. Таким образом, субъектность каждой личности проявляется в способе интерпретации действительности, в особенностях того, как формируется ее систе-

ма субъектной регуляции, в зависимости от принятых ею целей деятельности. В этой же главе с системных позиций определяются основные концептуальные понятия, используемые в исследовании, анализируется теория функциональной системы П.К. Анохина, как нейropsychологическая основа субъектной регуляции; излагается теория осознанной саморегуляции О.А. Конопкина, которая в силу ее инвариантности, выбирается в качестве базовой модели субъектной регуляции.

В главе 2 – «Личностно-типологические особенности субъектной регуляции: концептуальные основы и диагностика. Специфика функционирования системы субъектной регуляции у «автономных» и «зависимых» испытуемых». Формулируются концептуальные основы личностно-типологических особенностей субъектной регуляции и показывается, что наиболее ярко они проявляются в «автономности», «эффективной самостоятельности» субъекта деятельности. Дается феноменология «автономного» и «зависимого» типа регуляции, исходя из понятия субъекта, как человек на высшем уровне активности, целостности (системности), автономности (Брушлинский, 1996). Подробно изложен процесс конструирования опросника для диагностики «автономного» и «зависимого» типов субъектной регуляции деятельности. Описаны основные процедуры его психометрической проверки по таким параметрам, как: диахронная надежность ($r=0,63$, при $p \leq 0,001$); внутренняя согласованность ($r=0,70$, при $p \leq 0,001$); конструктивная валидность ($r=0,66$ при $p \leq 0,001$); дискриминативность всех пунктов (варьирует от 0,42 до 0,92, значимы, при $p \leq 0,05$). Расчет индекса μ (Howarth), доказывает, что «автономность» является устойчивой личностной характеристикой субъекта деятельности.

В параграфе «Особенности функционирования системы субъектной регуляции у испытуемых «автономного» и «зависимого» типа» экспериментально доказывается, что у «автономных» субъектов эффективность системы субъектной регуляции выше, чем у «зависимых». В частности, это проявляется в большей эффективности функционирования таких ее компонентов, как: «модель субъективно значимых условий» (методика «Вероятностный прогноз»), «субъективная программа исполнительных действий» (методика «Турнир») и «корректирование на основе информации о достигаемых результатах» (методика «Отмеривание временного интервала»).

Было показано, что «автономные» испытуемые более эффективно используют поступающую информацию о достигаемых результатах для корректирования своей деятельности. Они обладают более высокими антипационными возможностями, т.к. тщательнее анализировали и лучше отражали в своей модели субъективно значимые условия деятельности, чем «зависимые» испытуемые. Это говорит о том, что, модель субъективно значимых условий «зависимых» более ригидная, менее корректируемая по ходу деятельности и менее прогностичная, что мешает ей опережающе отражать изменения среды и служить информационной основой для антиципирующего формирования адекватной программы действий. Сознательное оперативное переключение программ исполнительных действий - важная функция системы субъект-

ной регуляции, обеспечивающая гибкую адаптацию человека к изменяющимся условиям. Для измерения способности к произвольному управлению перепрограммированием исполнительных действий была разработана методика «Турнир». Кроме того, проверялась гипотеза о том, что степень управления своим вниманием у испытуемых «автономного» типа, выше, чем у «зависимых» испытуемых.

Полученные данные подтверждают предположение о связи качества управления вниманием с общей эффективностью функционирования системы субъектной регуляции, а проведенный нами теоретический анализ психических механизмов осуществления экспериментальной деятельности испытуемых позволяет сделать два важных вывода: во-первых, испытуемые группы «автономных» обладают более высокой функциональной сформированностью компонента «субъективная программа исполнительных действий»; во-вторых, так как переключение программ связано с переключением внимания с одного способа действий на другой, то можно утверждать, что степень управления своим вниманием у испытуемых «автономного» типа, выше, чем у «зависимых». Таким образом, экспериментально доказано, что эффективность функционирования системы субъектной регуляции деятельности, у испытуемых «автономного» типом значительно выше, чем у испытуемых «зависимого» типа.

Глава 3 – «Проблема «смешанного» типа субъектной регуляции» посвящена вопросу о том, как характеризуются с точки зрения типологии субъектной регуляции те лица, которых нельзя отнести ни к одной из описанных типологических групп. Отмечается, что наиболее адекватным подходом для исследования проблемы «смешанного» типа субъектной регуляции является разновидность системного подхода - структурно-функциональный подход, позволяющий проанализировать субъектную регуляцию как целостную, замкнутую по структуре, информационно открытую систему, реализующую взаимодействие ее функциональных компонентов. Причем, несформированность любого компонента или не рациональное использование инструментальных средств регулирования, нарушает целостность информационной обеспеченности системы субъектной регуляции и существенно ограничивает ее эффективность в самых различных видах деятельности.

О.А. Конопкин, анализируя *содержательно-психологический* аспект регуляторных процессов, в частности пишет, что психическая саморегуляция в качестве собственно регуляторного процесса является преодолением субъектом информационной неопределенности в каждом компоненте, при их информационном согласовании. Планируя исследование структурно-функциональных и информационных особенностей субъектной регуляции мы предположили, что изучение именно этих аспектов концепции личностно-типологических особенностей субъектной регуляции позволит не только более тщательно проанализировать феномен «автономности», но и понять регуляторную специфику субъектов со «смешанным» типом субъектной регуляции.

Мы предположили, что: во-первых, все три рассматриваемые типологические группы должны отличаться как степенью сформированности ее отдельных компонентов, так и спецификой связей между ними, а значит, как следствие, иметь и разные операциональные (стилевые) особенности функционирования; во-вторых, в зависимости от способа информационного обмена со средой для «автономных» испытуемых будет характерен рациональный тип информационного обмена со средой, для «зависимых» - иррациональный тип, для «смешанных» субъектов - синтетический тип.

Основную выборку исследования составили 417 учащихся старших классов ряда средних общеобразовательных школ г. Набережные Челны. *Первый этап* работы состоял в выявлении особенностей структурно-функциональной организации системы субъектной регуляции, характерной для каждой типологической группы субъектов. С этой целью испытуемым предлагалось заполнить опросник «автономности-зависимости» на определение типа субъектной регуляции и опросник «Стиль саморегуляции поведения, ССП-98». *Второй этап работы* решал задачу исследования стиливых особенностей субъектной регуляции типологических групп в зависимости от способа информационного обмена со средой, т. е. того, каким образом различные психические формы отражения субъектом окружающей действительности связаны с особенностями протекания его регуляторных процессов. Поскольку, конкретный вид информационного обмена со средой зависит от разных детерминант, в настоящей работе мы рассматривали только ту, которая определяется так называемым «психосоциотипом личности» (Юнг, 1996).

Обсуждение результатов. По результатам первого этапа для каждой из трех типологических групп были построены структуры субъектной регуляции (см. Схемы 1, 2, 3). Проанализируем полученные структуры с точки зрения целостности системы субъектной регуляции в указанных группах.

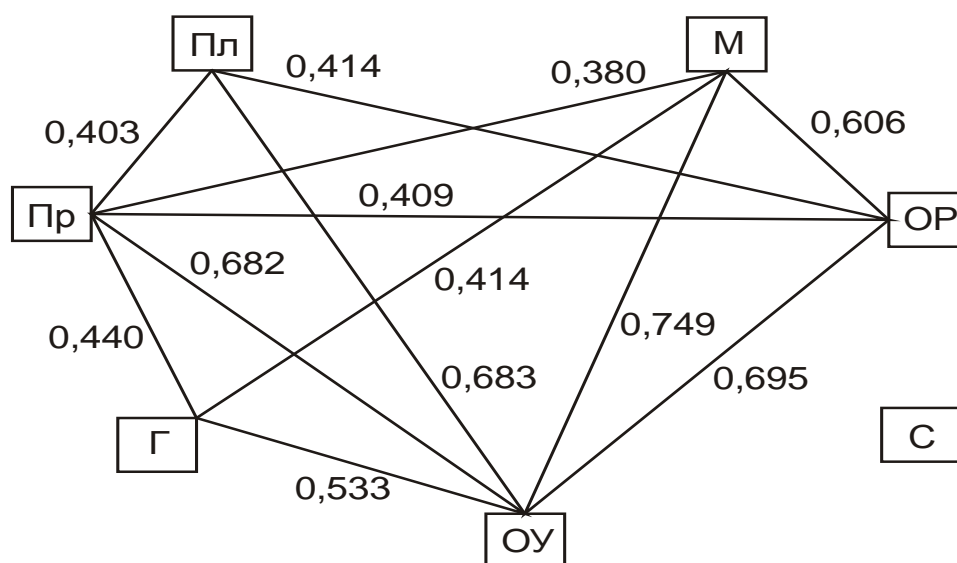

Схема 1. Связь функциональных компонентов субъектной регуляции и регуляторно-личностных свойств в типологической группе «автономных» испытуемых

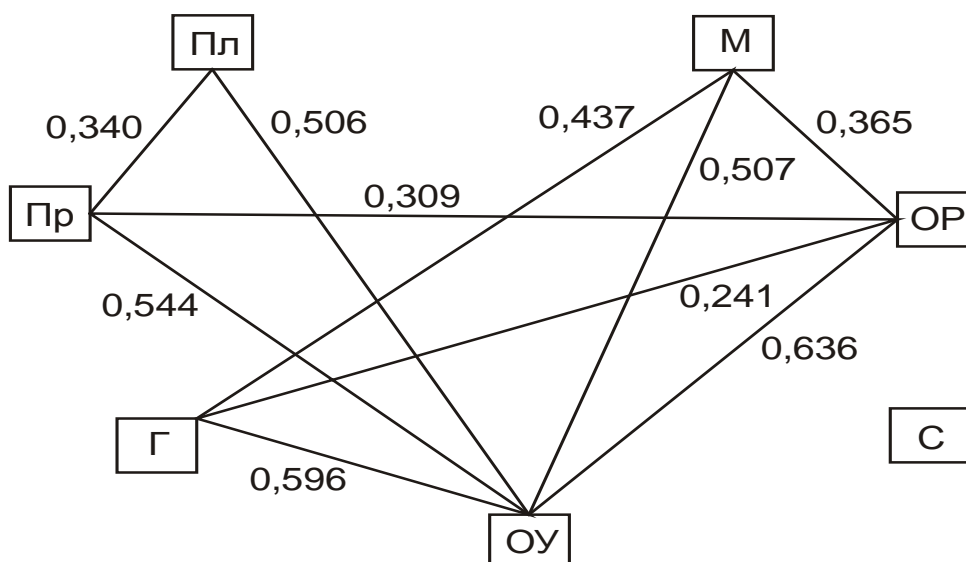

Схема 2. Связь функциональных компонентов субъектной регуляции и регуляторно-личностных свойств в типологической группе «смешанных» испытуемых

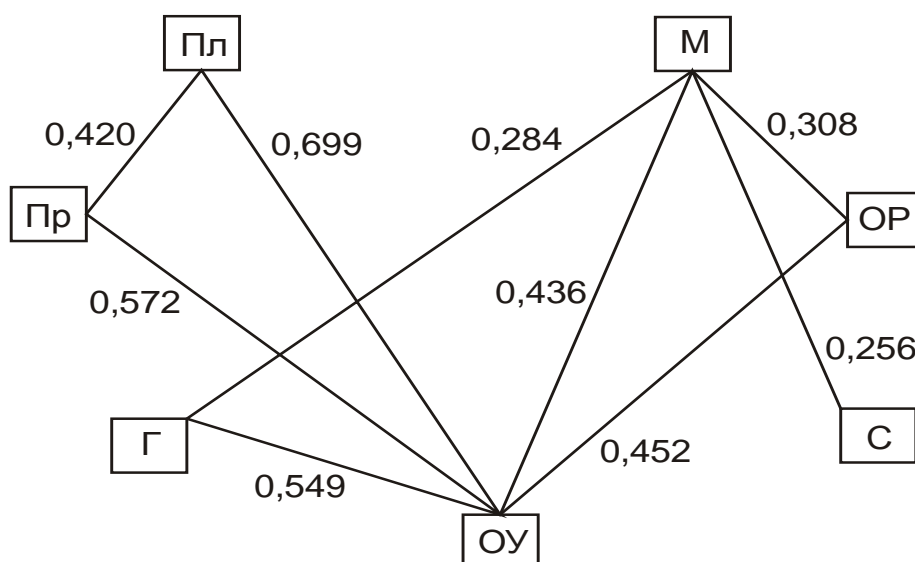

Схема 3. Связь функциональных компонентов субъектной регуляции и регуляторно-личностных свойств в типологической группе «зависимых» испытуемых

Прежде всего, отметим что, во всех группах наибольшим количеством связей обладает шкала общего уровня регуляции — (ОУ), что, на наш взгляд, можно объяснить особенностями построения самого опросника (все шкалы опросника выделены из этой шкалы).

Далее, не обнаружено прямой значимой корреляции между шкалами «Самостоятельность» (С) и другими шкалами, это дает основание говорить о том, что в этом опроснике данная шкала не является репрезентативной для системы субъектной регуляции деятельности и тем более она не является тождественной понятию «эффективной самостоятельности», поэтому мы в дальнейшем также исключим ее из анализа.

Очевидно, что структуры субъектной регуляции во всех группах различны. Тем не менее, можно проследить некоторые общие тенденции: во-первых, общим для всех трех типологических групп является наличие взаи-

мосвязей между компонентами (в дальнейшем - шкалами): «Планирования» (Пл) и «Программирования» (Пр); «Моделирования» (М) и «Оценка результатов» (Ор); «Моделирования» (М) и «Гибкости» (Г). Во-вторых, не обнаружено прямой значимой корреляции между шкалами планирования (Пл) и моделирования (М), однако несмотря на это в группе «автономных» испытуемых эти два компонента все-таки косвенно связаны между собой: через «Оценку результатов» и «Программирование». Необходимо отметить, что значения корреляционных показателей в полученных схемах дают возможность проследить некоторые структурные особенности. По количеству и силе корреляционных связей можно отметить тенденцию их уменьшения от «автономных» к «зависимым» испытуемым.

Иными словами, система субъектной регуляции «автономных» отличается большим количеством взаимосвязей и выражается в более тесных зависимостях, у «смешанных» испытуемых количество статистически значимых корреляционных связей уменьшается, ослабевает сила их взаимодействия между компонентами системы и, наконец, у «зависимых» субъектов - наименьшее количество значимых межкомпонентных связей. Система субъектной регуляции «автономных» представлена всеми функциональными компонентами, взаимосвязанными в единое целое. У них, в отличие от «смешанных» и «зависимых», существуют значимые корреляции между всеми основными шкалами (Пл-Ор), а также (М-Пр). Таким образом, у «автономных» субъектов информация о результате сопоставляется непосредственно с информацией, презентирующей цель деятельности, что позволяет им успешно корректировать программу действий в интересах достижения цели.

Другим отличием системы субъектной регуляции «автономных» является наличие прямой связи между шкалами «Программирования» и «Гибкости», т.е. для них характерна способность быстро менять программу исполнительских действий при смене условий деятельности, что является показателем пластичности их регуляторных процессов. Результаты показывают, что у «автономных» испытуемых система субъектной регуляции, как правило, «работает в свернутом виде», автоматически - им нет необходимости каждый раз заново продумывать стратегию своей деятельности. Время для размышления необходимо этим индивидам только в тех случаях, когда они сталкиваются с новым, малознакомым видом деятельности (Прыгин, 1984). Структурно-функциональные особенности субъектной регуляции «смешанных» индивидов, в отличие от «зависимых» (так же, как и у «автономных») обнаруживают значимую корреляцию между функциональными звеньями «Программирования» и «Оценки результатов». У «зависимых» испытуемых связь между этими функциональными компонентами слабая, что снижает у них эффективность процесса субъектной регуляции.

Для того чтобы иметь полное представление о структурах субъектной регуляции в разных типологических группах необходимо, также определить и *уровень сформированности* их функциональных компонентов. Эти показатели представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели уровня сформированности компонентов субъектной регуляции в разных типологических группах.

Группы	Статистика	Компоненты субъектной регуляции					
		Пл	М	Пр	Ор	Г	Оу
Автономные	\bar{x}	6,45	6,6	6,43	5,83	7,07	32,6
	σ	1,91	1,83	1,56	1,66	1,43	5,29
Смешанные	\bar{x}	5,66	5,54	6,02	5,0	6,6	29,2
	σ	2,03	1,55	1,45	1,51	1,53	4,6
Зависимые	\bar{x}	5,71	4,56	5,98	4,39	5,87	27,53
	σ	1,97	1,65	1,64	1,57	1,76	4,9

Примечание: \bar{x} — среднее значение показателя; σ — стандартное отклонение; шкалы, выделенные в соответствии с основными регуляторными компонентами и свойствами: Пл — планирование, М — моделирование, Пр — программирование, Ор — оценка результатов, Г — гибкость, Оу — общий уровень саморегуляции.

Сравним регуляторные профили разных типологических групп, отражающие стили их субъектной регуляции. Можно отметить, что в профиле субъектной регуляции «автономных» наиболее высокого уровня развития достигают компоненты «Моделирование», т.е. легкость ориентации в меняющейся ситуации, умение учесть внутренние и внешние условия выполнения деятельности, «Оценивание результатов» и регуляторное качество «Гибкость». Это значит, что «автономные» субъекты умеют своевременно вносить коррективы в свои планы и программы при изменении условий деятельности. Стиль регуляции субъектов «смешанного» типа, в отличие от «автономных», характеризуется менее точным «Моделированием значимых условий», менее развитым процессом «Оценки результатов» своей деятельности. Им труднее включаться в ситуацию деятельности и перестраиваться по ходу ее изменения. Однако, наиболее низкие показатели по этим компонентам были получены в типологической группе «зависимых». Их стиль деятельности отличается неумением выделять и учитывать релевантные деятельностью ситуации внутренние и внешние условия. В частности, такие школьники с трудом ориентируются в учебной ситуации, не в состоянии учитывать требования учителей и конкретной изменившейся обстановки. В случае неудачи они не возвращаются к анализу своих действий, не корректируют планы и программы своих действий, а стараются найти не зависящие от них объяснительные причины.

Таким образом, в контексте *структурно-функциональных* особенностей стиль субъектной регуляции «автономных» испытуемых можно обозначить как «*компенсаторно-пластичный*», «зависимых» — как «*застревающе-ригидный*», «смешанных» — как «*ограниченно-пластичный*».

Второй этап исследования состоял в том, чтобы определить, каким образом различные психические формы отражения субъектом окружающей действительности связаны с особенностями протекания его регуляторных процессов. После диагностики типа информационного обмена с окружающей средой, или социотипа по классификации Юнга, с помощью дихотомического теста С. Накрохиной (Филатова, 1994), регуляторные типологические группы сравнивались по средним показателям «психосоциотипов личности».

Было выявлено, что группы «автономных» и «зависимых» субъектов значимо (при $p \leq 0,01$) различаются по шкале «рациональности - иррациональности», что касается группы «смешанных» испытуемых, то поскольку было установлено, что они в равной степени используют как рациональные, так и иррациональные способы ориентации во внешнем мире, из дальнейшего анализа мы их исключили. Статистически значимых различий по другим шкалам теста С. Накрохиной не обнаружено.

Таблица 2. Показатели сформированности компонентов субъектной регуляции у «автономных» и «зависимых» испытуемых различающихся типом информационного обмена со средой

Группы (n человек)	$\bar{x} \setminus \sigma$	Компоненты субъектной регуляции					
		Пл	М	Пр	Ор	Г	Оу
Автономные Рациональные (70)	\bar{x} σ	6,75 1,49	7,03 1,52	6,68 1,2	6,23 1,63	7,00 1,75	33,76 4,65
Автономные Иррациональные (32)	\bar{x} σ	4,8 2,27	5,13 2,23	5,33 2,19	4,66 1,63	7,00 1,13	27,46 6,25
Зависимые Рациональные (30)	\bar{x} σ	6,15 2,03	4,85 1,89	6,0 1,73	4,96 1,64	5,88 1,52	28,81 5,12
Зависимые Иррациональные (81)	\bar{x} σ	5,34 2,08	4,15 1,44	5,88 1,55	4,19 1,58	5,90 1,78	26,46 5,04

Примечание: \bar{x} - среднее значение показателя; σ - стандартное отклонение; шкалы, выделенные в соответствии с основными регуляторными звеньями и свойствами: Пл - планирование, М - моделирование, Пр - программирование, Ор - оценка результатов, Г - гибкость, Оу - общий уровень саморегуляции

По результатам диагностики «психосоциотипа личности» были выделены четыре группы испытуемых: «автономных рациональных», «автономных иррациональных», «зависимых рациональных» и «зависимых иррациональных», которые сопоставлялись по основными регуляторными компонентами системы субъектной регуляции. Результаты, представлены в таблице 2.

Полученные данные рассматривались как *профили стилевых особенностей субъектной регуляции* типологических групп. Анализ профилей показывает тенденцию снижения уровня показателей регуляторики от группы «автономных рациональных» к «зависимым иррациональным» субъектам. Профили «автономных иррациональных» и «зависимых рациональных» субъектов являются промежуточными между крайними группами типов регуляции. Следовательно, тип информационного обмена со средой связан с показателем эффективности функционирования системы субъектной регуляции деятельности, при этом наиболее успешными являются «автономные рациональные» субъекты. В тоже время использование иррациональных методов отображения понижает эффективность деятельности, как у «автономных», так и у «зависимых» субъектов. Если сравнить их регуляторные структуры, то можно увидеть, что в зависимости от типа информационного обмена изменяется система связей в структурах субъектной регуляции указанных групп.

Итак, сформулируем некоторые частные положения как итог проведенного эмпирического исследования. Наиболее развитой структурой субъектной регуляции обладают «автономные» субъекты; она характеризуется целостностью, оптимальной согласованностью отдельных функциональных

компонентов, что обеспечивает возможность использования ими различных способов, приемов и стратегий регуляции и отражается на результативности регуляторного процесса. Структура субъектной регуляции «смешанных» по уровню ее сформированности занимает промежуточное положение между «автономными» и «зависимыми». Функциональные компоненты системы регуляции «зависимых» субъектов взаимосвязаны слабо, что лишает ее целостности и определяет сниженную результативность деятельности данных индивидов. В зависимости от способа информационного обмена со средой, «автономные» субъекты характеризуются «рациональностью», «зависимые» - «иррациональностью», а «смешанные» - «синтетичностью», т.е. сочетают оба типа информационного обмена.

Глава 4 - «Проявление личностно-типологических особенностей субъектной регуляции в онтогенезе». В общей и возрастной психологии, в частности, несмотря на разнообразие определений понятия саморегуляции (например, адекватное социальное поведение, способность соблюдать требования взрослых, послушание, демонстрация правильного поведения при отсутствии внешнего контроля и т.д.), большинство психологов сходятся в том, что важнейшим атрибутом саморегуляции является умение следовать образцам социально одобряемого поведения (Смирнова, 1997), что предполагает наличие у ребенка определенного уровня сформированности такого психологического качества, как произвольность. Поскольку именно произвольность является определяющей характеристикой системы субъектной регуляции, постольку именно с ее формированием мы связываем наличие или отсутствие у ребенка способности к *осознанной* субъектной регуляции.

Е.О. Смирнова выделяет два основных подхода к определению сущности этого понятия и к путям его изучения: первый из них, рассматривает произвольность (и волю) в контексте проблемы сознания (осознания), второй — в контексте проблемы мотивации. Она отмечает, что *произвольность и воля имеют разное содержание и разные линии развития*, поэтому проблему развития произвольности следует рассматривать как проблему развития средств овладения собой и средств организации поведения, а развитие воли - как проблему становления мотивационной сферы. На наш взгляд, именно в этом факте заложено принципиальное разграничение субъектной и волевой регуляции. Таким образом, изучение проблемы регуляции дошкольником своего поведения следует проводить в контексте изучения проблемы развития произвольности в онтогенезе, а этапы развития произвольности могут определяться уровнем осознания ребенком своего поведения и *средствами его организации*. В связи с этим, исследование возрастной динамики формирования системы субъектной регуляции может стать еще одним новым направлением в изучении онтогенетических особенностей произвольного поведения.

Общеизвестно, что *средствами овладения собой* являются знаки и, прежде всего, речь (Выготский, 1983), кроме того, к ним можно отнести образцы, способы действия и правила поведения (Запорожец, 1960; Эльконин, 1960). Именно они, опосредуя поведение ребенка, делают его произвольным.

Гипотеза нашего исследования состояла в этом, что одним из важнейших *средств организации* поведения ребенка является *система субъектной регуляции, которая начинает формироваться* (складываться) *с первых моментов проявления произвольности*. Проведенный краткий анализ литературных источников по проблеме «произвольности» позволяет отметить еще один значимый факт. В большинстве исследований понятия «произвольность», «осознанность», «самоконтроль», «саморегуляция» употребляются как тождественные. Однако, в отличие от перечисленных понятий, понятие «саморегуляции» связано с наличием некоторой целостной системы, обладающей инвариантной структурой. Именно поэтому мы и предприняли попытку исследовать целостную систему субъектной регуляции в дошкольном возрасте.

Диагностика типологии субъектной регуляции дошкольников. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить личностно-типологические особенности субъектной регуляции, как явления закономерного для дошкольного возраста, а основной задачей - стала задача разработки инструментария для диагностики феномена «автономности» в старшем дошкольном возрасте.

Поскольку тесты, измеряющие степень «автономности» у детей дошкольного возраста (5—6 лет), отсутствуют, нами, как и ранее, был использован метод экспертных оценок. Применение этого метода позволяло подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу о том, что в этом возрасте должен проявляться феномен «автономности». Исследование проходило в ДУ № 54 «Искорка» г. Набережные Челны с детьми 5-6 летнего возраста в количестве 120 человек. Экспертами выступали два воспитателя и психолог, хорошо знавшие характеры, возможности, способности и особенности игровой деятельности оцениваемых детей.

При формировании типологических групп мы исходили из метода «контрастных групп»: в группу «автономных» детей вошли те, которые по экспертным данным набрали максимальное количество баллов и заняли первую треть мест в выборке испытуемых. Дети, набравшие минимальное количество экспертных баллов и занявшие последнюю треть мест в выборке, составили группу «зависимых». Поскольку задачей было выявление полярных групп, дошкольники, набравшие среднее количество экспертных баллов, были исключены из дальнейшего рассмотрения. Таким образом, были сформированы две полярные группы по 30 человек в каждой, с которыми проводились все дальнейшие исследования. Результаты экспертной оценки подтвердили нашу гипотезу - в этом возрасте действительно обнаруживается феномен «автономности-зависимости». Следующий этап состоял в разработке экспресс-методики для диагностики типов субъектной регуляции у детей 5-6 лет.

С учетом возраста детей, мы остановились на проективном методе психодиагностики. Основной эксперимент проводился на протяжении 2 лет в ряде детских садов г. Набережные Челны с детьми 5—6 лет (мальчики и девочки), всего в процессе разработки методики приняли участие около 600 детей. В начале разработки методики детям предъявлялись различные образцы карт (картинок), на которых были изображены сцены, связанные с выполне-

нием ими игровой или учебной деятельности, или характерные персонажи, личностные качества которых имели решающее значение для выполнения деятельности. Примеряя к себе образы (стимулы), изображенные на карте, ребенок должен был выбрать один из двух: А или Б образ. Проведя первичные исследования, было определено, что наибольшей дифференцирующей способностью обладают карты, связанные с какой-либо активностью. Специальные беседы показали, что дети в основном выбирают стимулы по критерию деятельности. Например: «я делаю как все», «я делаю все сам», «я делаю как зайчики, мышки, кошки» и т. д. Для дальнейшей работы были оставлены только те карты, которые наиболее часто выбирались детьми.

Таким образом, был создан первый вариант проективной методики, который содержал 30 карт. Для того чтобы из 30 карт можно было отобрать те, которые обладают наибольшей дифференцирующей способностью по параметру «автономности», необходимо было с помощью данной методики оценить всех детей, вошедших в типологические группы по экспертному опросу и сравнить результаты методики с данными экспертной оценки. После проведения указанной процедуры были отобраны 15 карт, обладающих высокими психометрическими показателями: внутренняя согласованность методики оказалась равной $r=0,64$ (при $p \leq 0,001$), конструктивная валидность $r=0,65$ (при $p \leq 0,01$). Измерение ретестовой надежности (через два месяца) позволило выяснить - сохраняются ли средние групповые значения типологических групп, и насколько стабильно распределение индивидуальных баллов. Полученные данные говорят о том, что выделенные с помощью методики типологические группы имеют хорошую временную устойчивость. Таким образом, было показано, что регуляторный феномен «автономности-зависимости» проявляется в возрасте 5-6 лет, а разработанная методика способна дифференцировать дошкольников по типам субъектной регуляции.

В глава 5 – «Проявление личностно-типологических особенностей субъектной регуляции в структуре самосознания личности, ее ментальном опыте и в особенностях протекания познавательных процессов» рассматриваются особенности структурных характеристик самосознания и специфика протекания познавательных психических процессов у «автономных» и «зависимых» субъектов, особенности организации их ментального опыта и взаимосвязь типов субъектной регуляции с качествами личности и стилями мышления. Проанализируем коротко основные положения и результаты этих исследований.

Особенности структурных характеристик самосознания индивидов, имеющих разные типы субъектной регуляции. В современной психологии значительное место занимают вопросы изучения регуляторной функции психики, в связи с исследованиями внутреннего мира человека, его сознания, самосознания и саморегуляции (Акопов, 2002; Конопкин, 1980; Леонтьев, 1975; Михайлов, 1990; Налчаджян, 2003; Столин, 1983 и др.). Теоретический анализ проблемы самосознания показал, что большинство психологов придерживаются гипотезы об уровне строении самосознания. Однако единого понимания того, какими составляющими оно должно быть представлено,

нет. В отечественной психологии наиболее разработанной является концепция самосознания В.В. Столина, на которую ссылаются, с небольшими оговорками, многие психологи. В основе этой концепции положены идеи А.Н. Леонтьева (1975) о ведущей роли деятельности, в становлении сознания личности. «Я-образ» позволяет выделить в нем два аспекта: знания о себе («Я-концепция») и самоотношение. Немаловажная роль в процессе формирования «Я-концепции» отводится системе самооценок субъекта. Относясь к ядру личности, система самооценок также является одним из важнейших регуляторов поведения, от нее зависят взаимоотношения человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам; она влияет на эффективность деятельности и дальнейшее развитие личности. Рефлексия как феномен, присущий высшей форме саморегуляции поведения, занимает в этом процессе ведущее место. Таким образом, процесс регуляции субъектом своей деятельности содержит как процессы оценивания себя, так и процессы рефлексирования.

В рассматриваемой концепции самосознания наибольший интерес для нас представляли такие его структурные компоненты, как самоотношение, степень адекватности самооценок и уверенности в них, а также уровень развития рефлексии. *Гипотеза* исследования состояла в том, что: а) у субъектов «автономного» и «смешанного» типа, более высокий уровень развития рефлексии, чем субъектов «зависимого» типа; б) самооценка по свойствам личности, входящих в симптомокомплекс (СККЛ) «эффективной самостоятельности», у «автономных» субъектов будет адекватной, «смешанных» - близкой к адекватной у «зависимых» - заниженной; в то же время, значимых различий в самооценке субъектов всех трех типологических групп по качествам личности, нейтральным по отношению к СККЛ, не будет; в) наибольшей степенью уверенности в собственной самооценке будут обладать «автономные» субъекты, а в структуре их самоотношения должны быть представлены такие структурообразующие составляющие, как: регуляция, сила и глобальное самоотношение, причем глобальное самоотношение будет опосредоваться как эмоциональным отношением к себе, так и «рациональным» (включающим силу и степень автономности).

Описание эмпирического исследования. Объектом исследования явились три группы испытуемых, по 50 человек в каждой, сформированных по типам субъектной регуляции (1 этап). Для исследования рефлексии, степени адекватности самооценки и уверенности в ней (2 этап) был использован список прилагательных, из стандартной батареи Т. Лири. Нас интересовали, прежде всего, показатели, относящиеся к двум основным факторам: «Доминированию» и «Дружелюбию», поскольку первая шкала «созвучна» содержательной характеристики «автономности», а вторая - по своему содержанию нейтральна по отношению к СККЛ. Для определения структуры самоотношения (3 этап) испытуемым были предложены две методики: «Опросник самоотношения» Столина и «Личностный дифференциал», для дополнительной диагностики «силы», «активности» и «оценки».

2 этап. Уровень развития рефлексии у каждого члена трех типологических групп определялся сопоставлением представлений данного человека о том, как его описывают другие (P_{co}) с действительным описанием его этими другими (B_{co}). Индекс развитости рефлексии рассчитывался как модуль частного от деления $= |P_{co}/B_{co}|$, при этом, «автономные» оценивали «автономных», «зависимые» - «зависимых», «смешанные» - «смешанных». Уровень адекватности самооценки у членов типологических групп определялся по стандартной процедуре, т.е. сопоставлялась реальная самооценка человека ($C_{реал.}$) с его идеальной самооценкой ($CO_{идеал.}$), индекс адекватности рассчитывался как частное от деления ($CO_{реал.}/CO_{идеал.}$). Помимо адекватности самооценки определялась и степени ее уверенности: напротив каждого выбираемого качества (по опроснику Т. Лири), ставилась оценка степени уверенности в выраженности данного качества у испытуемого.

Таблица 3. Индексы развития рефлексии, адекватности и уверенности самооценки по шкалам «Дружелюбия» и «Доминирования» у испытуемых разных типологических групп.

Свойство личности		Группа	Индексы по осям	
			Доминирование	Дружелюбие
Рефлексия		Автономные	0,62	0,9
		Смешанные	0,42	0,63
		Зависимые	0,21	0,07
Самооценка	Адекватность	Автономные	0,54	0,76
		Смешанные	0,25	0,67
		Зависимые	0,2	0,71
	Степень уверенности	Автономные	0,6	
		Смешанные	0,5	
		Зависимые	0,3	

Шкала оценки составляла от 1 до 10 баллов. Все полученные показатели по каждому испытуемому усреднялись затем по типологической группе. При дальнейшем анализе полученные средне групповые показатели адекватности самооценки, уверенности в ней и точности рефлексии сравнивались (по t-критерию Стьюдента) между типологическими группами. Итоговые данные представлены в таблице 3.

Обсуждение результатов 2 этапа исследования. По уровню развития рефлексии между «автономными» и «зависимыми» субъектами по шкалам «Доминирования» и «Дружелюбия» обнаружилось статистически значимые ($p \leq 0,01$) различия. Эти результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что «автономные» субъекты обладают более развитой рефлексией по сравнению с «зависимыми». Как на одно из доказательств более низкого уровня развития рефлексии у «зависимых» испытуемых можно указать на тот факт, что рефлексия по шкале «Дружелюбия» у них кардинально отличается не только от группы «автономных», но и от группы «смешанных» испытуемых. Объяснить это можно так: поскольку «зависимые» субъекты строят наименее адекватную «модель субъективно значимых условий деятельности», по сравнению с субъектами других регуляторных типов, то и построение «модели себя» также будет у них более не адекватно. Что касается степени адекватности самооценки, то между типологическими группами «автономных» и «зависимых» субъектов по шкале «Доминирования» различия также статистически значимы ($p \leq 0,01$), а по шкале «Дружелюбия» значимых различий не обнаружено. Как правило, традиционно самооценку измеряют в пределах от 0,0 -

Примечание: корреляционные связи для гр. «Автономных» выделены жирным шрифтом; корреляционные связи для гр. «Зависимых» выделены курсивом и представлены в знаменателях (по факторам 5, 6, 7, 8)

Структура самоотношения «автономных» содержит гораздо больше (14) корреляционных связей, по сравнению со структурой самоотношения «зависимых» (4), т.е. можно сказать, что она обладает целостностью и более устойчивая. В структуре «автономных» субъектов структурообразующими составляющими являются «сила», «субъектная регуляция», «глобальное самоотношение», «ожидание положительного отношения от других» и «самоинтерес». В структуре «зависимых» субъектов структурообразующей составляющей является «глобальное самоотношение».

В структуру самоотношения «автономных» входят также составляющие «сила», «активность» и «оценка», отсутствующие в структуре самоотношения «зависимых», причем наличие значимых корреляционных связей «силы» со степенью «автономности», с «глобальным самоотношением», «самоуважением», «ожиданием положительного отношения от других свидетельствует об их уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Кроме «силы» в описываемую структуру входят составляющая - «оценка», которая значимо связана с силой. Отсутствие у «зависимых» значимых корреляций с составляющей «оценка» указывает, по нашему мнению, на не вполне адекватное восприятие ими самих себя (о сниженной рефлексии). В структуре самоотношения «автономных» получены также достоверные связи компонента «ожидание положительного отношения от других» с «активностью» и «самоинтересом». Это может говорить о том, что человек, который интересен себе, стремится быть таковым и для окружающих.

В обеих группах составляющая «самоуважение» дает сильные связи с составляющей «ожидание положительного отношения от других». Наши оценки как собственных, так и чужих действий зависят от окружения, от тех норм, принципов, установок, которые приняты в обществе, именно поэтому данная связь проявилась в обеих группах независимо от типа регуляции. Однако «самоуважение» автономных детерминировано составляющей «силой», которая, как отмечено выше, является показателем уверенности в себе и независимости.

Таким образом, выявлено, что: а) «автономные» субъекты обладают наиболее высоким уровнем развития рефлексии и наибольшей степенью уверенности в собственной самооценке; б) самооценки субъектов с разным типом субъектной регуляции различаются только по качествам личности в определенной мере «созвучных» качествам, входящих в СККЛ; в) структура самоотношения «автономных» субъектов обладает целостностью и устойчивостью, а ее структурообразующие составляющие детерминируются как эмоциональным, так и «рациональным» отношением к себе.

Особенности протекания познавательных процессов у субъектов с «автономным» и «зависимым» типом субъектной регуляции. В контексте анализа регуляторных процессов отдельные познавательные процессы выступают, в первую очередь, как разные по форме и содержанию носители или

источники, поставщики информации, отличающиеся по своей регуляторной значимости и роли (Конопкин, 2005), и накладывающие определенную специфику на функционирование всей системы субъектной регуляции. В связи с этим мы предположили, что существуют значимые различия в особенностях протекания отдельных психических процессов между типологическими группами «автономных» и «зависимых» субъектов, в частности, «автономные» субъекты должны обладать, по сравнению с «зависимыми»: более высоким уровнем избирательности и произвольности внимания; иметь более высокие результаты опосредованного запоминания и большую лабильность мышления.

Для практического подтверждения обозначенных теоретических предположений, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие ученики 10, 11-х классов школе-гимназии № 19 г. Набережные Челны. Общее количество испытуемых 60 человек (по 30 человек с «автономным» и «зависимым» типом субъектной регуляции). Для изучения особенностей психических процессов использовался комплекс (в большинстве своем) стандартных методик, диагностирующих процессы внимания, памяти, мышления, причем отобранные методики, позволяли диагностировать произвольный аспект психических процессов. В частности, для диагностики внимания использовалась методика Мюстенберга, направленная на определение избирательности внимания; в исследовании памяти применялись стандартные методики на измерение продуктивности непосредственного и опосредованного запоминания; для изучения мышления и воображения - методика Шепарда, позволяющая диагностировать процесс внутренней репрезентации информации о пространственных свойствах объекта, также использовалась методика «словесный лабиринт» для изучения «ригидности-лабильности» мыслительной деятельности.

Результаты эмпирического исследования в целом подтвердили выдвинутую гипотезу - значимые различия в особенностях протекания отдельных психических процессов между типологическими группами существуют: «автономные» субъекты обладают более высоким уровнем избирательности и произвольности внимания, а также большей лабильностью мышления, нежели чем «зависимые»; незначимые различия между типологическими группами получены при диагностике воображения и произвольного запоминания.

Взаимосвязь стилей мышления с типологией субъектной регуляции и личностными качествами субъектов. Анализ познавательной деятельности традиционно связывается с исследованием особенностей работы человеческого интеллекта и мышления, в частности. Мышлению, как познавательному процессу посвящено большое количество работ как в отечественной (Брушлинский, 1996; Рубинштейн, 1940; Тихомиров, 1984; Холодная, 2002, и др., так и в зарубежной психологической науке (Дункер, 1965; Стернберг, 2002 и др.). Однако практически не изученными остаются регуляторные аспекты стилевых проявлений мышления, хотя стилевым характеристикам интеллектуальной деятельности придан особый статус, поскольку общепризнанна их важная роль в регуляции индивидуального поведения. Мы провели

исследование стилей мышления (Алексеев, Громова, 1993) в связи с типологическими особенностями субъектной регуляции и базовыми личностными характеристиками (на основе 16 PF Кеттелла), т.е. пытались ответить на вопросы о том, существует ли связь стилей мышления (выделяются: синтетический, идеалистический, прагматический, аналитический, реалистический и «плоский профиль») с типологией субъектной регуляции и, какие черты личности придают им характерную специфику.

Гипотеза исследования состояла в том, что испытуемым с разным стилем мышления присущи определенный тип субъектной регуляции и различия в своеобразии проявления черт личности.

Объектом исследования явились лица женского пола с разным стилем мышления и типом субъектной регуляции (гендерный аспект). Выборка - 180 человек, возраст от 18 до 24 лет, образовательный ценз - незаконченное высшее и высшее образование. Были использованы методики: «Стиль мышления» А. Харрисона и Р. Брэмсона (в адаптации Алексеева и Громовой) и методика Р. Кеттелла (в адаптации Капустиной). Для проверки гипотезы на *первом этапе* исследования были сформированы три типологические группы испытуемых по 30 человек в каждой. Все три группы были продиагностированы на стиль мышления и вычислены соответствующие коэффициенты корреляции между типом субъектной регуляции и стилем мышления. На *втором этапе*, выборка была увеличена с целью количественного уравнивания групп по стилям мышления. В выборку вошли представители пяти основных стилей мышления (5 групп по 30 человек) и группа представителей «плоского» профиля - 30 чел. Для проверки межгрупповых различий по качествам личности для всех 6 групп были рассчитаны выборочные средние по каждому из факторов Р. Кеттелла.

Анализ и обсуждение результатов исследования. Первый этап. Связи между типами субъектной регуляции и стилями мышления, присущими каждой типологической группе, оказались не значимыми. Анализ психологической литературы показал, что в принципе между стилями мышления и субъектной регуляцией должна прослеживаться вполне логичная связь, так как субъектная регуляция является, по своей сути, «сквозным образованием», затрагивающем все уровни психической активности. Однако не следует забывать, что процессы регуляции имеют сложное, иерархическое строение, и, соответственно, сложные, неоднозначные отношения с психическими процессами. Вероятно, поэтому отношения между стилем мышления и типом субъектной регуляции линейной корреляцией не выявляются.

Второй этап. Для каждой из групп (по стилям мышления) были рассчитаны выборочные средние по каждому личностному фактору Р. Кеттелла. Между группами испытуемых с разным стилем мышления обнаружены значимые различия ($p \leq 0,01$) в личностных факторах (коммуникативного блока - А, F, E, N; эмоционального блока - C, Q4, I, M; интеллектуального блока - B, Q1). Таким образом, у субъектов с разным стилем мышления действительно существуют различия в определенных чертах личности. Однако говорить о том, что они обусловлены только предпочтением того или иного стиля

мышления или говорить о том, что данные черты являются типичными для представителей определенного стиля, мы не можем. Черта выражает то, что человек обычно делает во многих ситуациях, а не то, что он обязательно сделает в данной конкретной ситуации. Отчасти черты проявляются в самом выборе ситуаций, а не в реакции человека на нее. Полученные результаты подтвердили исходную гипотезу лишь частично - на уровне линейных связей интересующие нас отношения не проявились. Были выявлены связи черт личности и стилей мышления. Тем не менее, говорить, что эти особенности обусловлены только предпочтением того или иного интеллектуального стиля или о том, что данные черты являются типичными для представителей определенного стиля, мы не можем, в силу неоднозначности полученных результатов.

В связи с этим, было принято решение подвергнуть полученные данные *дисперсионному анализу*, который дает возможность фиксировать не только влияние главных факторов, но и их взаимодействие. Коротко, результаты одномерного двухфакторного дисперсионного анализа относительно влияния типа субъектной регуляции на стиль мышления можно сформулировать так:

а) тип субъектной регуляции по-разному влияет на стили мышления: от сильного влияния (синтетический, аналитический, реалистический стиль), до умеренного (прагматический), и практически полного отсутствия (идеалистический);

б) при взаимодействии основных факторов (тип субъектной регуляции и личностные факторы Р. Кеттелла) существуют ситуации, когда либо субъектная регуляция усиливает незначимое личностное качество и это дает эффект влияния на зависимую переменную, либо, наоборот, личностное качество усиливает незначимое влияние типа субъектной регуляции;

в) подтверждается разная доля участия (влияния) типа субъектной регуляции в каждом из стилей мышления. Так, особенности «зависимых» субъектов проявляются в синтетическом и идеалистическом стиле мышления; «автономных» - в реалистическом и аналитическом стиле. В прагматическом стиле нет выраженного влияния ни одного из типов субъектной регуляции;

г) эффект влияния типа субъектной регуляции на стиль мышления заключается не в самом предпочтении (выборе) человеком того или иного стиля, а в том, что тип субъектной регуляции придает интеллектуальным стратегиям (стилям мышления) особую специфику. Можно сказать, что *тип субъектной регуляции выполняет функцию регуляторного механизма в стилях мышления*.

Таким образом, в ходе *корреляционного анализа* установлено, что: между субъектами с разным типом субъектной регуляции не существует значимых различий в предпочтении какого-либо стиля мышления; между группами испытуемых с разным стилем мышления обнаружены значимые различия в личностных факторах. Результаты *дисперсионного анализа* показали, что личностные факторы способны оказывать разное влияние на разные стили мышления. Так, наиболее характерными чертами являются для синтетиче-

ского и прагматического стиля - тревожность; для идеалистического - чувство сверхответственности в отношении удовлетворения чужих желаний, независимость в поведении, социальная активность; для аналитического - мягкость, податливость в поведении; реалисты, как правило, быстро схватывают новое, быстро обучаются, в общении их объединяет невысокая эмоциональная насыщенность.

Особенности организации ментального опыта у субъектов с разным типом субъектной регуляции. Несмотря на большое количество самостоятельных исследований интеллекта и закономерностей регуляции поведения, все еще отсутствуют ясные, убедительные и однозначные представления об их влиянии друг на друга, между тем изучение интеллекта в контексте субъектной регуляции может раскрыть новую грань в понимании того, чем определяются индивидуальные различия в интеллектуальной продуктивности.

Как правило, не вызывает сомнения факт связи особенностей когнитивных стилей с особенностями регуляции субъектом своего поведения. В частности уровень организации (уровень концептуальной сложности) понятийных систем позволяет выделить 4 группы субъектов по различиям в типе восприятия и понимания происходящего, и, как следствие, в особенностях организации их интеллектуального поведения. Коротко их можно охарактеризовать так (Холодная, 2002): *I уровень* - минимальные проявления дифференциации и интеграции (категоричный, «черно-белый» взгляд на вещи за счет снижения способности думать в режиме относительности. Привязанность поведения к внешним условиям). *II уровень* - некоторый рост дифференциации в сочетании с недостаточной интеграцией (неустойчивость и необязательность мнений и убеждений, амбивалентность и нерешительность в принятии решений, ригидность). *III уровень* - умеренно высокие показатели дифференциации и интеграции (развитие рефлексии, много информации обрабатывается до того, как будет принято решение). *IV уровень* - максимально высокие показатели дифференциации и интеграции (способность к соотнесению и связыванию самой разнородной информации, гибкость и адаптивность поведения в сложных ситуациях).

Приведенные особенности организации интеллектуального поведения достаточно хорошо сочетаются с характеристиками «автономности», входящими в симптомокомплекс «эффективной самостоятельности». Можно видеть, что «автономному» типу, в целом, соответствует III и IV уровень организации интеллектуального поведения, «смешанному» — II и III, а «зависимому» — II и I уровень. Это дает основание предположить, что особенности организации ментального опыта субъектов должны быть связаны с личностно-типологическими особенностями их субъектной регуляции (Прыгин, Прыгина, 2004). Нами была поставлена *цель* - исследовать связь ментального опыта (когнитивного и метакогнитивного) с типологией субъектной регуляции и выявить особенности его организации в разных типологических группах. *Гипотеза* предполагала, что субъекты «автономного» типа должны обладать более высокой сформированностью индивидуальных понятийных

структур и характеризоваться более открытой познавательной позицией по сравнению с «зависимыми».

В исследовании приняли участие студенты Института управления г. Набережные Челны в возрасте 17—19 лет. Выборка составила 60 человек. Использовались методики: «Формулировка проблем» - для изучения сформированности индивидуальных понятийных структур; модифицированный вариант методики М.Т. Фрумкиной «Точки», для оценки способов структурирования перцептивно неопределенного материала; «Экологический прогноз будущего развития Земли» Л.В. Шавиной, для изучения характера прогноза будущих событий; «Идеальный компьютер» Э.Г. Гельфман, М.А. Холодной, Л.Н. Демидовой, для определения меры открытости познавательной позиции.

В начале исследования были сформированы группы «автономных» и «зависимых» испытуемых (по 30 человек), затем им были предложены указанные выше методики. Все полученные результаты усреднялись по типологическим группам. В итоге, была составлена сводная таблица данных, характеризующих «автономных» и «зависимых» испытуемых.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ полученных данных показывает, что типологические группы «автономных» и «зависимых» испытуемых отличаются по целому ряду показателей, которые приведены в сводной таблице 6.

Проанализируем полученные результаты. Методика «Формулировка проблем» - можно утверждать, что испытуемые «автономного» типа формируют большее количество «сложных» проблем. При формировании проблем они «входят» в более отдаленные семантические области, что говорит о высоком уровне сформированности индивидуальных понятийных структур. С нашей точки зрения, решающим условием достижения успеха здесь выступает адекватное требованиям ситуации четкое переключение с одной проблемы на другую.

Таблица 6. Сравнительные характеристики ментального опыта «автономных» и «зависимых» испытуемых.

№	Название методик и основные показатели	Зависимые		Автономные		Уровни значимости различий ($P \leq \dots$)
		\bar{x}	σ	\bar{x}	σ	
1	Формулировка проблем					
	Сложность проблем в баллах	3,63	1	5,46	1,5	0,01
2	Точки					
	Сложность пространственных преобразований, в баллах	1,96	0,9	2,76	0,67	0,05
3	Прогноз будущего					
	Дифференцированность прогноза	3,96	1,6	6	1,1	0,05
	Оптимистичность прогноза	-0,1	0,92	0,3	0,75	0,05
4	Идеальный компьютер					
	Количество объективированных вопросов	2,86	1	4,56	1,16	0,05
	Количество категориальных вопросов	2,76	1,07	4,4	1,3	0,05
	Количество фактических вопросов	3,36	1,4	1,9	1,18	0,05
	Количество субъективированных вопросов	2,4	1,03	2,1	0,74	0,1

«Автономные» субъекты обладают способностью быстро сориентироваться в сколько-нибудь сложной и быстро меняющейся ситуации и определить включенные в нее различные изменяющиеся элементы (Прыгин, Степанский, 1989), поэтому они могут сформулировать проблемы не только на

основе своих ситуативных впечатлений, но и на основе обобщения на первый взгляд не связанной между собой информации. «Зависимые» испытуемые перечисляли проблемы в основном за счет выделения каких-либо конкретных признаков, свойств заданного объекта. Возможно, данная группа испытуемых недостаточно полно использует всю поступающую из внешнего мира информацию о динамике среды, информацию, отражающую состояние реальных событий, без чего невозможно учитывать условия, значимые для успешного выполнения задания.

Сравнение выборочных средних, по методике «Точки» также обнаружило значимые межгрупповые различия. По-видимому, испытуемые разных типологических групп пользуются разными способами структурирования перцептивно неопределенного материала. Для группы «зависимых» характерно объединение точек в два-три множества без учета гештальтов. Большинство исследователей в области гештальтпсихологии (Осгуд, 1975) приписывают данный факт «капризам» внимания. Выше отмечалось, что устойчивость и переключаемость внимания у лиц «зависимого» типа существенно ниже, чем у испытуемых «автономного» типа; следовательно, можно говорить о том, что именно особенности внимания повлияли на способность зависимых объединять точки в гештальты. «Автономные» испытуемые показали более сложное выполнение пространственных преобразований. В своих работах они использовали четкое и многомерное структурирование точек, что говорит о систематичности в выполнении работы и адекватной оценке конкретных условий, при которых выполнялось задание. Здесь имело место не только соблюдение принципа пространственной близости заданных точек и организация остальных точек в отдельные множества, но также взаимное наложение выделенных множеств точек, совмещение одних и тех же точек в рамках разных выделенных множеств. Это свидетельствует о том, что «автономные» испытуемые обладают большей вариативностью восприятия, могут «увидеть» не только заданные гештальты, но и выделить собственные.

Методика «Прогноз будущего». Сравнивались данные по двум показателям: «дифференцированность прогноза» и «оптимистичность, пессимистичность или нейтральность прогноза». Значимые межгрупповые различия в первом показателе указывают на то, что «автономные» субъекты в своих образах будущего мысленно видят большее количество возможных изменений. Это можно объяснить тем, что у них в процессе прогнозирования модель субъективно значимых условий носит динамический характер, то есть по ходу выполнения прогнозов она может постоянно перестраиваться в связи с поступлением информации о результатах прогноза с тем, чтобы учитывать весь ход прогнозирования. Именно высокая способность предвосхищать события, является характеристикой произвольного интеллектуального контроля, свойственного «автономным» субъектам. При сопоставлении результатов обследования двух групп обращает на себя внимание тот факт, что «зависимые» как бы сокращают время прогнозирования - они описывают события, которые происходят в настоящее время, при этом лишь немного изменяя и модернизируя их, основываясь на приобретенном жизненном опыте. По второ-

му показателю также обнаружены значимые межгрупповые различия: «зависимые» в основном давали негативный или же нейтральный прогноз будущего развития Земли. Это можно объяснить тем, что они не обладают достаточной уверенности в себе, в своем будущем. Уверенность в том, что ничего нельзя изменить, нежелание брать на себя ответственность, выразилась в негативном либо нейтральном прогнозе будущего Земли. «Автономные» испытуемые отразили в своих прогнозах позитивное видение событий. Они видят развитие событий будущего в положительной динамике, что связано с их уверенностью в себе, может быть даже некоторой самоуверенностью из-за привычной успешности в деятельности. Как правило, такая уверенность переносится и на уверенность в будущем. Описываемые «трудности» в будущем неизменно сопровождаются готовностью к их решению.

Анализ данных по методике «Идеальный компьютер» (мера открытости познавательной позиции) также показал наличие значимых межгрупповых различий. «Автономные» испытуемые имеют склонность задавать более обобщенные вопросы, при этом они оперируют более общими категориями и демонстрируют направленность на познание общих принципов устройства мира. При этом одно и то же явление они описывают с разных точек зрения.

Итак, тип субъектной регуляции связан с особенностями организации ментального опыта. Результаты исследования свидетельствуют, что: особенности ментального опыта у представителей разных типов субъектной регуляции отличны друг от друга и прослеживаются как на когнитивном, так и на метакогнитивном уровне. На когнитивном уровне «автономные» субъекты, по сравнению с «зависимыми», обладают более высокой сформированностью индивидуальных понятийных структур и характеризуются более высокой способностью выделения гештальтов; на метакогнитивном уровне они характеризуются более открытой познавательной позицией.

В главе 6 – «Проявление личностно-типологических особенностей субъектной регуляции на уровне социального взаимодействия» рассматриваются особенности внутригруппового взаимодействия субъектов с различными типами субъектной регуляции. Исследуется проявление типов субъектной регуляции в педагогическом общении; в учебной деятельности, как, с точки зрения связи академической успеваемости с типами субъектной регуляции, так и в аспекте осознания учащимися причин успехов и неудач в учебе.

В исследовании *особенностей внутригруппового взаимодействия субъектов с различными типами субъектной регуляции* была предпринята первая попытка применить знания, накопленные при изучении проблемы типологии субъектной регуляции, к решению вопроса оптимизации совместной групповой деятельности, что актуально в связи с не разработанностью этой проблемы, как в теоретическом, так и в практическом плане. Таким образом, целью нашего исследования явилось изучение специфики взаимодействия субъектов с различными типами субъектной регуляции в малых группах, при выполнении ими продуктивной совместной деятельности. Мы исходили из *гипотезы* о том, что такое системное качество, как «автономность», должно

выступать одной из ведущих детерминант эффективности *совместной групповой* деятельности. Общая гипотеза была конкретизирована в следующем положении: личностно-типологические особенности субъектной регуляции отдельных членов группы, проявляясь во взаимодействии, влияют на организацию совместной деятельности группы, причем, наиболее эффективными будут группы, состоящие из участников с «автономным» и «смешанным» типом субъектной регуляции; наименее эффективными - группы, состоящие из «зависимых» участников.

Организация исследования. В целях проверки гипотезы была разработана специальная исследовательская программа (Прыгин, Олейник, 2005), которая предусматривала выбор конкретного объекта исследования, определение методического аппарата, планирование и разработку процедуры и принципов проведения исследования. Многоэтапный характер работы обусловил применение комплекса методов и методик: наблюдение, анализ документов, личностные методики. Выборку исследования составили учащиеся старших классов в возрасте 16—17 лет в количестве 42 человека. Было сформировано 7 экспериментальных групп, по 6 человек в каждой, с различными вариантами сочетания типов субъектной регуляции. Группы 1, 2, 3 - состояли из испытуемых одного типа регуляции, соответственно, - «автономного», «смешанного» и «зависимого». Группы 4 и 5 включали, соответственно, равное число испытуемых «автономного» и «смешанного» типа, «автономного» и «зависимого» типа; 6 группа - по 2 испытуемых «автономного», «смешанного» и «зависимого» типа; 7 группа состояла из 3 испытуемых «смешанного» и 3 «зависимого» типа. Подчеркнем, что *основным и единственным критерием подбора состава групп был тип субъектной регуляции испытуемых.*

Для изучения процесса внутригруппового взаимодействия участников необходимо было так организовать эксперимент, чтобы моделируемая ситуация была максимально приближена к реальной совместной деятельности небольшой группы, выполняющей конкретную задачу. Кроме того, предложенное задание, должно было вызывать потребность в сотрудничестве и давать возможность объективно наблюдать за процессом взаимодействия. Исходя из этого, был предложен вариант решения проблемы с «продуктивной» задачей - члены группы совместно собирали целую картинку из ее отдельных частей. Чтобы обеспечить участие в деятельности всех членов группы, части картинки были разделены между ними поровну. Для достижения результата членам группы необходимо было взаимодействовать между собой, находя и объединяя имеющиеся у них соответствующие компоненты картинки, включая их туда, где они должны находиться, и проверяя, насколько конечный результат соответствует заданному образцу.

От типа поведения каждого члена группы, зависело своеобразие процесса группового взаимодействия и его конечный результат - успешность и удовлетворенность участников. Каждый член группы обладал относительной самостоятельностью, мог взять на себя ту или иную функцию, внести больший или меньший вклад в решение совместной задачи. Распределение ролевых функций зависело от самих участников. Наличие игрового момента со-

здавало положительное отношение испытуемых к исследованию. Основным источником анализируемых данных являлся сам процесс взаимодействия, осуществляемый в ходе совместного решения задачи, эмоциональный и деловой настрой группы в целом и каждого участника в отдельности, размещение членов группы во время деятельности позволяло выявить лидеров и ведомых. В качестве категорий оценки выступали показатели психомоторной и речевой активности партнеров, которые фиксировались с помощью видеокамеры: речевые акты; экспрессивные движения тела; движения перемещения и неподвижные позы испытуемых, дистанция между ними. В качестве показателя успешности работы было выбрано время, затрачиваемое участниками группы на сборку картинки. Для анализа групповых процессов применялась одна из наиболее разработанных методик - стандартизованная методика систематизированного наблюдения Бейлза. Анализ группового взаимодействия осуществляли два наблюдателя-эксперта посредством независимого просмотра видеозаписи. Данные экспертов были проверены на согласованность по всем 7 группам, согласованность данных наблюдателей-экспертов оказалась высокой и статистически значимой ($p \leq 0,01$). В дальнейшем усредненные значения показателей каждой категории были подвергнуты количественному и качественному анализу в соответствии с методикой Бейлза.

Результаты исследования позволяют сделать главный вывод: *личностно-типологические особенности субъектной регуляции отдельных членов группы, проявляясь во взаимодействии, влияют на организацию совместной деятельности группы*. Причем наиболее эффективными являются группы, состоящие из участников либо с «автономным», либо с «автономным - смешанным» типом субъектной регуляции; наименее эффективными, состоящие из участников либо с «зависимыми», либо со «смешанным - зависимым» типом субъектной регуляции. Если рассматривать вклад в получение группового результата лиц с различным типом субъектной регуляции деятельности, то можно утверждать, что: а) «автономные» участники гибко организуют свою деятельность; эффективность их совместной деятельности является производной совместных усилий, которые приносят им удовлетворение; б) участники со «смешанным» типом регуляции активны, целенаправленны, гибко реагируют на изменение ситуации, успешно перераспределяют функции; однако, напряжение, вызванное их недостаточно высокими регуляторными способностями, приводит к утомлению и неудовлетворенности совместным трудом; в) участники с «зависимым» типом заметно снижают эффективный потенциал группы, тем не менее, низкий уровень притязаний этих членов не лишает их удовлетворенности результатом работы.

В группах со смешанным регуляторно-типологическим составом влияние «автономных» участников проявляется в способности осуществлять руководство и контроль за деятельностью группы, в возможности выполнять различные функции в групповом взаимодействии. Влияние «зависимого» типа проявляется в сниженной активности, неспособности к взаимозамещению, необходимости контроля со стороны. Влияние участников со «смешанным» типом в таких группах проявляется в меньшей степени.

В главе также анализируется *связь академической успеваемости с типологией субъектной регуляции* и показывается, что наличие у учащихся «зависимого» типа субъектной регуляции, закономерно выступает основной причиной их неуспеваемости, и выделение такого контингента учащихся (с целью выработки у них навыков самостоятельности) представляет серьезный практический интерес, выходящий за рамки проблем собственно учебной деятельности. Далее изучалось, *как осознают учащиеся с разным типом субъектной регуляции причины их успеха и неудачи в учебе*. Эта проблема исследовалась с позиции теории атрибуции. Weiner (1972), вслед за Heider (1959), показали, что индивиды склонны приписывать достижение определенного результата в работе преимущественно четырем различным факторам: случайности, трудности выполнения работы, своим личностным качествам и прилагаемым усилиям. Первые два фактора (случайность и трудность) в основном не зависят от субъекта и определяются внешними условиями и характером работы. В то же время следующие два фактора (личностные качества и прилагаемые усилия) являются «внутренними» и всецело зависят только от самого субъекта деятельности. Мы предположили, что «зависимые» испытуемые будут менее адекватно оценивать результаты своей учебы, чем «автономные», и объяснять причины их неудач в учебе не столько личностными качествами и недостаточностью прилагаемых усилий, сколько случайностью и трудностью учебы. Рассмотрим, коротко, процедуру и основные результаты исследования (более подробно, см. Конопкин, Прыгин, 1984).

Каждый испытуемый получал две карточки: «Успех» и «Неудача», из которых он должен был отобрать для заполнения ту, которая совпадала с его собственным отношением к результатам своего учебного труда. По десятибалльной шкале, обследуемый должен был оценить трудность учебы и вклад каждой из названных причин в общий конечный результат: успех или неудачу. Данные, полученные в этом эксперименте, представлены в таблице 7.

Таблица 7. Среднегрупповые оценки влияния роли отдельных факторов на успешность учебы.

Группы испытуемых	Причинные факторы			
	к	у	с	т
1 - автономные	5,0	5,5*	2,9	5,2
2а - зависимые	5,8	6,6	3,9*	4,9
2б - зависимые	3,5*	6,7	2,5	5,5

Примечание: к — личностные качества; у — прилагаемые усилия; с — случайность; т — трудность учебы; * — показатель, отличающийся от соответствующих показателей двух других групп на уровне $p \leq 0,01$.

«Автономные» испытуемые, считают, что успех в учебе значительно и примерно в равной степени зависит от «личных качеств» и от «прилагаемых усилий». Вклад в академическую успеваемость такого фактора, как «случайность», оценивается ими значительно ниже. Такая, адекватная принятым критериям «модель субъективно значимых условий», влияет на программу деятельности, которую учащиеся принимают и осуществляют с учетом выделенных ими наиболее значимых условий. Эти студенты считают, что для хорошей учебы закономерным и естественным условием является систематический настойчивый труд, связанный со значительными усилиями.

По результатам обследования «зависимые» разделились на две подгруппы. Исходным основанием для разделения послужили различия в субъективных критериях оценки своей учебы отдельными членами этой группы. Подгруппу 2а (12 человек) составили те, которые, несмотря на низкую успеваемость, оценили свою учебу как успешную. В подгруппу 2б (28 человек) вошли испытуемые, оценившие свою работу как неуспешную и их не удовлетворяющую. Тот факт, что учащиеся группы 2а субъективно удовлетворены своими объективно низкими успехами, имеет для субъектной регуляции их учебной деятельности определяющее значение. Совпадение реального результата с субъективным критерием успеха означает то отсутствие рассогласования в регуляторном блоке оценки и коррекции деятельности, при котором субъектная регуляция будет выполнять лишь функцию поддержания деятельности на наличном уровне. Действительно, учащиеся группы 2а не считают нужным предпринять какие-то дополнительные усилия для существенного повышения своей успеваемости. Программа их исполнительных действий не корректируется, так как она *уже обеспечивает реальное достижение субъективно принятых критериев успеха*, которые ограничиваются сдачей экзаменов без «провалов». Именно этот факт служит эмпирическим подтверждением высказанной нами выше гипотезы о *внутренней эффективности субъектной регуляции, когда полученный в процессе деятельности искомый результат соответствует субъективному критерию успешности*. Таким образом, фактически мы имеем *эмпирическое подтверждение нашей гипотезы о «дихотомической» структуре понятия «эффективности субъектной регуляции»*.

В сравнении с группой «автономных», студенты группы 2а существенное значение придают фактору «случайности» ($p \leq 0,02$); зато, как и «автономные», они считают трудности учебы второстепенным обстоятельством в числе других факторов учебного успеха. В отличие от рассмотренных групп, у представителей группы 2б имеет место рассогласование между высокими (как в группе 1) субъективными критериями успеха и низкими (как в группе 2а) реальными результатами учебы. Учащиеся этой группы стремятся к получению полноценных знаний, успешной для себя они считают лишь учебу, оцениваемую 4—5 баллами. В отличие от учащихся группы 2а, своими успехами они не удовлетворены и пытаются их повысить. Как и представители других групп, учащиеся группы 2б в числе наиболее значимых условий учебной деятельности называют «приложенные усилия». Но, в отличие от группы 2а, они готовы идти на эти усилия и многие представители группы 2б реально затрачивают значительные силы и время на учебу. Отметим, что группа 2б имеет содержательно неполноценную модель значимых условий, которая у них вообще не отражает роли каких-либо личностных качеств учащегося. Более того, такие качества считаются второстепенными факторами успеха наряду с таким действительно незначимым фактором, как «случайность». Своей резко заниженной оценкой «личных качеств» относительно фактора «усилий» ($p \leq 0,01$) группа 2б значительно отличается от двух других групп ($p \leq 0,02$). У этих учащихся рефлексия на собственную учебную дея-

тельность развита очень слабо и касается лишь ее динамических, активационных моментов (долго, много, напряженно и т. п.). Поэтому и контроль за успешностью хода деятельности и за ее результатами как бы подменяется у них контролем за самим фактом осуществления деятельности. Итак, в рамках данного исследования, было ясно показано, какое большое значение для успешности деятельности имеют правильно сформированные «субъективно принятые критерии успешности», непосредственно определяющие эффективность субъектной регуляции.

В завершении главы рассматривается *проявление типологии субъектной регуляции в педагогическом общении*. В контексте этой проблемы, цель исследования состояла в определении того, как влияют на процесс общения учителей и учащихся, присущие им типы субъектной регуляции. В исследовании решались следующие задачи: определялись типы субъектной регуляции учителей и учащихся, как участников взаимодействия; определялись особенности общения учителей и учеников, имеющих разные типы субъектной регуляции; определялся тот тип взаимоотношений, который имеет наибольшую эффективность в педагогическом процессе. *Гипотеза* исследования состояла в том, что тип субъектной регуляции деятельности учеников и учителей является одним из важнейших факторов, *определяющих специфику их взаимодействия* в учебно-воспитательном процессе, в частности: а) в зависимости от своих личностно-типологических особенностей субъектной регуляции учителя и ученики будут по-разному оценивать взаимоотношения между собой; б) эффективность педагогического общения зависит от того, каким типом субъектной регуляции обладает учитель и каким ученик, при этом наибольшей эффективностью будут обладать учителя, имеющие «смешанный» тип субъектной регуляции. Подробно методики исследования, анализ и обсуждение данных изложены в нашей работе «Проявление типологических особенностей саморегуляции в педагогическом общении» (2001). Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Итак, для осуществления индивидуального подхода в обучении и оптимизации педагогического процесса в целом необходимо, чтобы при построении общения с учениками каждый учитель не только знал тип субъектной регуляции школьника, но и рефлексировал собственный тип субъектной регуляции.

В главе 7 – «**Проявление личностно-типологических особенностей субъектной регуляции в специфических выборках и ситуациях**» рассматривается проявление феномена «автономности-зависимости» у наркозависимых испытуемых: анализируется взаимосвязь структуры личностных черт наркоманов с типами субъектной регуляции и структура их самооценки. Исследуется проявление типологии субъектной регуляции у больных шизофренией; в завершении главы описывается специфика поведения «автономных» и «зависимых» субъектов в ситуациях конфликта. Необходимость появления этой главы связана с двумя аспектами. Во-первых, научный интерес. Поскольку нами были выделены новые психологические феномены, касающиеся личностно-типологических особенностей субъектной регуляции, доказано их проявление не только в разнообразных структурах личности, но и на

уровне социального взаимодействия, логично было предположить, что они должны проявляться и у субъектов с разными формами девиантного поведения и психических отклонений. Во-вторых, доказательство первого факта, могло бы стать еще одним подтверждением реальности существования «автономности», как психологического феномена. В-третьих, практическая значимость подобных исследований. Специфические выборки для описанных ниже исследований были сформированы из субъектов, страдающих различными формами зависимости (наркоманы), а также больных шизофренией.

Исследование *проявления типологии субъектной регуляции у наркозависимых испытуемых* имело своей целью дать сравнительную характеристику личностных черт наркоманов, обладающих «автономным» и «зависимым» типами субъектной регуляции и строилось на гипотезе о том, что существуют значимые различия в личностных профилях наркоманов, имеющих разные личностно-типологические особенности субъектной регуляции, в частности, по таким чертам, как уверенность, самоконтроль, эмоциональная стабильность, консерватизм. Объектом явились больные наркоманией из ГНД г. Набережные Челны (14 женщин, 31 мужчина) в возрасте от 16 до 29 лет в количестве 45 человек. В ходе обследования были сформированы группы наркоманов «автономного» (17 человек) и «зависимого» типов (28 человек) регуляции. Для проверки гипотезы использовались три методики: тест 16PF Кеттелла, опросник Леонгарда и опросник «автономности-зависимости» (подробнее об исследовании, см. Прыгин, 2001). По результатам исследования можно сделать следующие предварительные выводы о взаимосвязи структуры личностных черт наркоманов с типами субъектной регуляции: «автономный» наркоман более эмоционально стабилен, уверен в своих силах, лучше контролирует себя, чем «зависимый»; общительность «автономного» наркомана также более выражена. Наркоман с «зависимым» типом субъектной регуляции более гибок во взглядах, а «автономный» склонен придерживаться традиций, консервативен. У «зависимых» наркоманов, по сравнению с «автономными», наиболее выражены такие черты, как обеспокоенность, смена настроения и лабильность психики. Установлено, что применение методик Кеттелла и Леонгарда по отдельности в психологической работе с наркоманами нецелесообразно, их желательно использовать в совокупности друг с другом и с опросником «автономности-зависимости».

Структура самооценки у больных наркоманией, имеющих «автономный» и «зависимый» типы субъектной регуляции. Это исследование является логическим продолжением описанного выше. В рамках теории, раскрывающей типологические особенности субъектной регуляции, проблема самооценки уже затрагивалась (Прыгин, 1984, 2001), но она не касалась столь специфических выборок, какими являются субъекты с наркоманийной зависимостью. Поэтому особый интерес представляло изучение особенностей структуры самооценок у индивидов с наркотической зависимостью, обладающих разными типами субъектной регуляции. Следует отметить, что данное исследование являлось поисковым, проблемным. В связи с этим, результаты его скорее позволяют оценить перспективы применения концепции личност-

но-типологических особенностей субъектной регуляции в рамках клинической психологии, чем служат доказательством или опровержением выдвинутых гипотез (подробнее об исследовании, см. Прыгин, 2002).

Цель исследования состояла в том, чтобы выявить: присуще ли наркозависимым испытуемым, имеющим разные типы субъектной регуляции, разные структуры самооценок. В *гипотезе* исследования предполагалось, что структуры самооценок «автономных» и «зависимых» наркоманов будут отличаться по тем личностным качествам, которые являются базовыми характеристиками самих типов субъектной регуляции деятельности, и не будут отличаться по характеристикам, принадлежащим к социально-моральным качествам. Объектом исследования явилась группа находящихся в стадии ремиссии наркозависимых в возрасте от 18 до 28 лет, из которых 43 мужчины и 11 женщин. По результатам диагностики из 54 обследуемых больных оказалось: 21 больной «смешанного» типа, «автономных» и «зависимых» соответственно 14 и 17 больных (поэтому все полученные результаты мы обсуждаем лишь на уровне тенденций). Итак, результатам показывают, что: а) по блоку социально-моральных качеств не найдено существенных различий между типологическими группами по критериям «Я реальное», «Я идеальное», «Я в будущем»; б) обнаружены межгрупповые различия по блоку качеств, входящих в СККЛ «автономности».

Далее нами было исследовано, *проявление типологии субъектной регуляции у больных шизофренией*. Интерес к патологии психики объясняется, с одной стороны, целым комплексом медицинских, социальных, реабилитационно-восстановительных задач, связанных с судьбой больных, с другой - проблемностью и нерешенностью многих важнейших сторон этой патологии. В работе мы рассматриваем не все «патологические проявления душевной деятельности», наблюдаемые при шизофрении, а центральные, наиболее устойчивые, общие для всех случаев этой патологии, позволяющие интегрировать понятие «шизофрения», к которым мы и относим личностно-типологические особенности субъектной регуляции деятельности. *Цель* исследования: выявить тип субъектной регуляции у больных шизофренией, исследовать его проявления в структуре личностных качеств и особенностей мышления.

Если снижение психической активности является «обязательным» симптомом больных шизофренией, а под психической активностью понимается совокупность факторов, обеспечивающих становление, реализацию и регуляцию деятельности, то *гипотезу* нашего исследования можно сформулировать так: у больных шизофренией доминирующим типом субъектной регуляции будет зависимый тип, уровень обобщения будет снижен (что проявится в выборе конкретных, индивидуально-значимых образов), а значимые различия по гипостеническим и стеническим шкалам СМИЛа будут связаны с типом субъектной регуляции. Исследование проводилось в ПНД г. Набережные Челны. Объектом исследования явились 52 больных (из них 14 женщин и 38 мужчин) различными формами шизофрении, находящихся на лечении. Средний возраст больных — 35,5 лет. В исследовании использовались

опросники: «автономности-зависимости», СМИЛ, а также пиктограмма А.Р. Лурия. В силу сложности сбора преморбидные данные испытуемых в обследовании во внимание не принимались. В среднем время их болезни не превышало 1-2 года. Все больные отличались сравнительной психической сохранностью, т. е. были без острой психопатологической симптоматики, без грубого эмоционального и интеллектуального дефекта, а также без выраженных нарушений мышления. Каждому испытуемому предъявлялись указанные выше три методики. Рассмотрим коротко полученные результаты (более подробно, см. Прыгин, Прыгина, 2005).

Из общего количества испытуемых (52 человека) 29 больных оказались с «зависимым» типом субъектной регуляции; 21 — со «смешанным» и только 2 — с «автономным» типом. Таким образом, высказанное нами предположение о том, что значительное большинство больных шизофренией будут иметь зависимый тип субъектной регуляции, экспериментально подтвердилось. Это объясняется тем, что течение болезни, сопровождающееся снижением психической активности, приводит к изменению произвольной регуляции вообще и субъектной регуляции в частности. В целом по результатам исследования можно сделать следующие выводы: а) в силу действия шизофренического дефекта у больных шизофренией преобладает «зависимый» тип субъектной регуляции; б) усредненные профили больных «зависимого» и «смешанного» типа имеют различия (на уровне тенденций) по шкалам СМИЛа содержательно связанным с конструктом «автономности»; в) для опосредованного запоминания больные шизофренией выбирают конкретные, индивидуально значимые символы, что содержательно соответствует характеристикам «зависимого» типа субъектной регуляции.

Итак, полученные на уровне тенденций различия между типологическими группами субъектной регуляции ставят вопросы дальнейшего исследования проявления указанной типологии в клинических исследованиях на более широких выборках стратифицированных как по полу, так и по возрасту.

В завершении главы рассматриваются *особенности поведения в ситуациях конфликта испытуемых с «автономным» и «зависимым» типами субъектной регуляции*. В последнее время большое внимание психологи уделяют изучению различных, так называемых «особых», состояний человека. Под «особыми» состояниями мы будем понимать такие состояния, которые не являются экстремальными, то есть не требуют от человека полной мобилизации всех его усилий, но при которых человек не находится в состоянии расслабленности от условий жизнедеятельности, например, состояния конфликта. Проблема конфликта активно изучается такими отечественными учеными, как А.Я. Анцупов, А.И. Донцов, Н.В. Гришина, М.М. Кашапов, Н.И. Леонов и др. *Гипотеза* исследования заключалась в том, что «зависимые» субъекты должны чаще выбирать в качестве способа урегулирования конфликта приспособление либо избегание, а «автономные» — соперничество либо сотрудничество. В исследовании использовались: опросник «автономности-зависимости» и опросник предрасположенности личности к конфликтному по-

ведению К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной). Объектом исследования выступал персонал поликлиники №2 г. Набережные Челны. Обследованию подверглись 90 человек в возрасте от 20 до 45 лет.

Сравнение внутригрупповых средних значений по шкалам методики К. Томаса в трех типологических группах показывает наличие значимых различий ($p \leq 0,05$) в предпочтении стратегий в ситуации конфликта: «автономные» испытуемые предпочитают «компромисс» и «сотрудничество» в качестве основных способов урегулирования конфликтов; «смешанные» испытуемые обладают более гибкой стратегией поведения в конфликте, предпочитая не только стратегии «компромисса» и «сотрудничества», но и стратегию «избегания». «Зависимые» испытуемые в основном прибегают к стратегиям «избегания» и «компромисса». Полученные результаты в целом подтверждают наши теоретические предположения. В завершении можно отметить, что наличие более широкого диапазона стратегий поведения в конфликте у группы «смешанных» индивидов еще раз подтверждает большую гибкость, свойственную их системе субъектной регуляции.

В приложениях к диссертации представлены таблицы, содержащие данные по психометрической проверке методики «автономности-зависимости». Сводные данные по исследованию структурно-функциональных особенностей субъектной регуляции трех типологических групп. Приведены системы категорий, используемые в методике наблюдения Бейлза и их основные связи. Представлены первичные данные по исследованию особенностей внутригруппового взаимодействия субъектов с различными типами субъектной регуляции. Даны авторские опросники, позволяющие диагностировать феномен «автономности-зависимости» на всех этапах онтогенеза, начиная с возраста 5-6 лет.

Выводы:

1. На основе принципов системного анализа и субъектно-деятельностного подхода к исследованию психической регуляции деятельности сформулированы концептуальные положения о личностно - типологических особенностях субъектной регуляции деятельности. Теоретически обосновано, что в системе субъектной регуляции, отображаются наиболее существенные структурные характеристики, определяющие целостность личности, это придает характеру выполнения деятельности, а, следовательно, и самой субъектной регуляции, личностную «окраску», превращая ее именно в субъектную, т.е. индивидуально характерную.

2. При оценке эффективности субъектной регуляции, необходимо учитывать два критерия: субъективный критерий, при котором полученный результат деятельности сравнивается с принятыми «субъективными критериями успешности» и объективный, предполагающий сравнение полученного результата с объективными (часто социально заданными) критериями успешности. Доказано, что наибольшей эффективностью обладает такая субъектная регуляция, при которой полученный субъектом в процессе деятельности искомый результат соответствует и субъективному критерию успешности и внешним (социально установленным) критериям успешности.

3. Доказано, что в основе проявления феномена «автономности-зависимости» лежит, с одной стороны, уровень сформированности симптомокомплекса качеств личности, как субъекта деятельности, а с другой стороны, определенные типологические особенности функционирования системы субъектной регуляции.

4. Установлено, что система субъектной регуляции: «автономных» субъектов характеризуется целостностью, оптимальной согласованностью отдельных функциональных компонентов, что определяет высокую эффективность деятельности данных лиц; «смешанных» субъектов - в зависимости от ситуаций и обстоятельств может содержать в себе признаки субъектной регуляции присущие крайним типам; «зависимых» субъектов - лишена целостности, что определяет низкую эффективность их деятельности.

5. Доказано, что для «автономных» субъектов характерен рациональный тип информационного обмена со средой (общая рациональная самоорганизация), для «зависимых» - иррациональный тип (иррациональная самоорганизация), для «смешанных» индивидов - синтетический тип (как сочетание рационального и иррационального).

6. С развитием произвольности в поведении старших дошкольников проявляются личностно-типологические особенности субъектной регуляции в виде феномена «автономности-зависимости».

7. Типы субъектной регуляции проявляются в особенностях структурных характеристик самосознания личности, ее ментального опыта и в протекании психических процессов, а именно: по сравнению с «зависимыми», субъекты с «автономным» и «смешанным» типом субъектной регуляции обладают более высоким уровнем развития *рефлексии*; у них более адекватная *самооценка* по свойствам личности, релевантных симптомокомплексу качеств личности, определяющих «эффективную самостоятельность»; они обладают наибольшей степенью *уверенности* в собственной самооценке. В структуре самоотношения «автономных» субъектов, в отличие от «зависимых», представлены такие структурообразующие составляющие, как: регуляция, сила и глобальное самоотношение.

Имеются значимые различия между группами «автономных» и «зависимых» субъектов в протекании высших психических процессов (памяти, внимания, мышления). В частности, «автономные» субъекты обладают более высоким уровнем избирательности и произвольности внимания, кроме того, результаты опосредованного запоминания у данной группы выше. Субъекты с «автономным» типом субъектной регуляции имеют большую лабильность мышления, нежели «зависимые».

Личностно-типологические особенности субъектной регуляции деятельности связаны с особенностями организации ментального опыта личности, в частности, субъекты «автономного» типа обладают более высокой сформированностью индивидуальных понятийных структур и характеризуются более открытой познавательной позицией по сравнению с «зависимыми».

8. Наиболее эффективными в решении групповых задач являются малые группы, состоящие из участников с «автономным» и «смешанным» типом субъектной регуляции; наименее эффективными - группы, состоящие из участников с «зависимым» типом субъектной регуляции.

9. Использование в практике клинических психологов психоневрологических и наркологических диспансеров основных теоретических положений личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности и разработанного диагностического инструментария позволяет более адекватно анализировать психологический статус больного.

10. Разработанный, комплекс диагностических методик, позволяет выявлять типы субъектной регуляции во всех возрастных периодах, начиная с 5 лет. Это дает возможность практическим работникам (психологам, педагогам, воспитателям, менеджерам по персоналу и др.) использовать его для достижения своих профессиональных целей (например, выявлять психические особенности развития, осуществлять индивидуальный подход к обучению и воспитанию, проводить отбор и рациональную расстановку кадров и пр.).

Теоретические и эмпирические результаты, полученные в исследовании личностно-типологических особенностей субъектной регуляции деятельности, могут существенно дополнить спецкурс по «дифференциальной психологии» при подготовке психологов и педагогов-психологов.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Учебники, учебные пособия, монографии:

1. Прыгин Г.С. Основы психодиагностики: Принципы и методы. История развития. Основы психометрики: Учебное пособие. М.: УМК «Психология», 2003. 6,0 п.л.

2. Прыгин Г.С. Регуляторно - психологические основы самостоятельности учащихся. Деп. в ОТЦНИ "Школа и педагогика" МП СССР и АПН СССР, 30.07.84, №131-84, деп. 3,56 п.л.

3. Прыгин Г.С. Индивидуально-типологические особенности субъектной саморегуляции. Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2005. 21,75 п.л.

Статьи и краткие научные сообщения.

4. Прыгин Г.С. Функциональная структура системы самоуправления деятельностью. Сб.: Личность и индивидуальность в психологическом исследовании. М., 1981. 0,31 п.л.

5. Прыгин Г.С. Зависимость академической успеваемости от сформированности системы психологической саморегуляции деятельности //Тезисы к VI Всесоюз. съезд психологов СССР. - М., 1983, ч.2. 0,13 п.л.

7. Прыгин Г.С., Степанский В.И. Измерение переключаемости внимания в зависимости от сформированности психической саморегуляции. Нов. исслед. в психологии, 1983, N 1. 0,13 п.л. (авторский вклад 50%).

8. Прыгин Г.С. Проявление феномена "автономности-зависимости" в учебной деятельности. Нов. исслед. в психологии, 1984, N 2. 0,31 п.л.

8. Конопкин О.А., Прыгин Г.С. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типологическими особенностями их саморегуляции // Вопросы психологии. 1984. № 3. 0,5 п.л. (авторский вклад 50%).

10. Прыгин Г.С. Осознание учащимися с "автономными" и "зависимыми" стилями деятельности причин успехов и неудач в учебе. Нов. исслед. в психологии., 1985, N 1. 0,31 п.л.

11. Прыгин Г.С. Индивидуально - личностные особенности саморегуляции учебной деятельности. В кн.: Общие закономерности и типологические особенности регуляции деятельности. / Под ред. О.А. Конопкина, М., 1985. 1,38 п.л.

12. Прыгин Г.С. Степанский В.И., Фарютин С.В. Влияние особенностей саморегуляции деятельности на профессиональное самоопределение старшеклассников // Вопросы психологии. 1987. № 4. 0,18 п.л. (авторский вклад 40%).

9. Прыгин Г.С., Степанский В.И. Измерение переключаемости внимания в сенсомоторной деятельности // Вопросы психологии. 1989. № 1. 0,25 п.л. (авторский вклад 50%).

13. Прыгин Г.С. К проблеме изучения профессионального самосознания студентов-психологов. Ежегодник Российского психологического общества //Тезисы ко II Всероссийского психол. общества/, г. Ярославль, 1998, т. 4, вып.1. 0,13 п.л.

14. Прыгин Г.С. Психологические детерминанты процесса принятия управленческих решений. Ежегодник Российского психологического общества. //Тезисы ко II Всероссийского психол. общества/, г. Ярославль, 1998, т.4, вып.1. 0,13 п.л.

15. Прыгин Г.С. К вопросу о построении регуляторной теории личности //Материалы Международной научн. конф. г. Набережные Челны, 1999. Т. 1. 0,25 п.л.

16. Прыгин Г.С. Саморегуляция деятельности как механизм формирования социальных и личностных черт. Социальная психология - XXI век. //Материалы Международного симпозиума /, г. Ярославль, 1999, т. 2. 0,25 п.л.

17. Прыгин Г.С. Критерий эффективности саморегуляции, как основа для построения регуляторной теории личности // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т. 3. Ярославль, 2000. 0,25 п.л.

18. Прыгин Г.С. К проблеме оценки эффективности функционирования контура осознанной саморегуляции деятельности // Социальная психология в периоды кризиса общества: Тезисы докл. Всероссийской научной конференции. Набережные Челны, 2000. 0,19 п.л.

19. Прыгин Г.С. Исследование феномена «автономности-зависимости» в контексте универсальных факторов конституциональных диспозиций // Конфликт и личность в изменяющемся мире: Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во УДГУ, 2000. 0,25 п.л.

20. Самосознание учащихся, имеющих разные типы саморегуляции // Материалы Научно-практической конференции «Ананьевские чтения — 2001». С.-Пб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 0,25 п.л.
21. Прыгин Г.С. Взаимосвязь структуры личностных черт наркоманов с типологическими особенностями произвольной саморегуляции // Актуальные проблемы социальной психологии. Т.1. Ярославль, 2001. 0,63 п.л.
22. Прыгин Г.С. Взаимосвязь «автономного» и «зависимого» типов саморегуляции деятельности со структурой самооценки у больных наркоманией. // Актуальные проблемы социальной психологии. Том 2, Ярославль, 2002. 0,63 п.л.
23. Прыгин Г.С. Проявление типологических особенностей саморегуляции в педагогическом общении // Психология психических состояний. Казань, Набережные Челны: Изд-во КГПУ, Изд-во Института управления, 2001. 0,75 п.л.
24. Прыгин Г.С. Особенности поведения испытуемых с различными типами саморегуляции в ситуациях конфликта и фрустрации // Ежегодник РПО. Психология как система направлений. М., 2002. Т. 9. Вып. 2. 0,13 п.л.
25. Прыгин Г.С. Особенности протекания психических процессов у испытуемых с «автономным» и «зависимым» типом саморегуляции. // Социальная психология XXI столетия. Ярославль: Изд-во РПО, 2002. Т. 3. 0,31 п.л.
26. Прыгин Г.С. Проявление типологии саморегуляции в особенностях письменной речи // Социальная психология XXI столетия. Ярославль, 2003. Т. 2. 0,25 п.л.
27. Прыгин Г.С. Связь типологических особенностей саморегуляции с феноменом уверенного поведения // Психология и эргономика: единство теории и практики. Материалы 3-й международной конференции. Тверь, 2003. 0,31 п.л.
28. Прыгин Г.С. Связь когнитивного стиля "полезависимости-полenezависимости" с типологическими особенностями саморегуляции // Материалы к Всероссийской научной конференции. Набережные Челны, 2003. 0,25 п.л.
29. Прыгин Г.С., Прыгина И.Л. Особенности организации ментального опыта у субъектов с разным типом саморегуляции // Современные проблемы психологии и управления / Под ред. С.П. Дырина, Г.С. Прыгина. Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2004. 05п.л. (авторский вклад 50%).
30. Прыгин Г.С., Прыгина И.Л. Проявление индивидуально-типологических особенностей субъектной саморегуляции у больных шизофренией. Ярославский психологический вестник. Вып. 15. Москва-Ярославль, Изд-во: «РПО». 2005. 0,5 п.л. (авторский вклад 50%).
31. Прыгин Г.С. Взаимосвязь стиля мышления с типами осознанной саморегуляции и качествами личности. Вестник психологии и педагогики Удм. гос. ун-та. Вып. 11. 2004. 0,9 п.л.
32. Ахмеров Р.А., Прыгин Г.С. Психобиографические характеристики субъекта с автономным типом саморегуляции деятельности. Психологический журнал, 2005, том 26. 0,32 п.л. (авторский вклад 50%).

33. Прыгин Г.С., Захарова И.М. Структурно-функциональные и информационные особенности феномена «автономности-зависимости». В кн: Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Моросановой, М.: Психологический ин-т РАО, 2006. 0,7 п.л. (авторский вклад 50%).

34. Прыгин Г.С., Олейник Н.С. Исследование особенностей внутригруппового взаимодействия субъектов с различными регуляторно-типологическими особенностями. В кн: Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Моросановой, М.: Психологический ин-т РАО, 2006. 0,7 п.л. (авторский вклад 50%).

35. Прыгин Г.С. Феноменология проявления «автономности-зависимости» в субъектной регуляции деятельности. Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». №1. 2006. 1,0 п.л.

36. Прыгин Г.С. Особенности структурных характеристик самосознания у субъектов с разным типом субъектной регуляции деятельности. Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». №1. 2006. 1,0 п.л.